

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
АССАМБЛЕЯ

СОВЕТ
БЕЗОПАСНОСТИ

Distr.
GENERAL

A/35/316

S/14045

3 July 1980

RUSSIAN

ORIGINAL: ENGLISH

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ
Тридцать пятая сессия
Пункты 26, 51, 53, 57, 92, 106 и 109
первоначального перечня*
ПОЛОЖЕНИЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
МИРНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ МЕЖДУ
ГОСУДАРСТВАМИ
БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ АГЕНТСТВО ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ДЛЯ ПОМОЩИ
ПАЛЕСТИНСКИМ БЕЖЕНЦАМ И ОРГАНИЗАЦИИ
РАБОТ
ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПО
РАССЛЕДОВАНИЮ ЗАТРАГИВАЮЩИХ ПРАВА
ЧЕЛОВЕКА ДЕЙСТВИЙ ИЗРАИЛЯ В
ОТНОШЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ОККУПИРОВАННЫХ
ТЕРРИТОРИЙ
БЮДЖЕТ ПО ПРОГРАММАМ НА ДВУХГОДИЧНЫЙ
ПЕРИОД 1980-1981 ГОДОВ
ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПО
УСИЛЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИНЦИПА
НЕПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ
ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПО УСТАВУ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ И
УСИЛЕНИЮ РОЛИ ОРГАНИЗАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ
Тридцать пятый год

Письмо Постоянного представителя Израиля при Организации
Объединенных Наций от 27 июня 1980 года на имя
Генерального секретаря

Имею честь сослаться на мои письма от 16 ноября 1978 года и
20 декабря 1978 года (A/33/376 и A/33/543), в которых я передал реши-
тельный протест моего правительства по поводу опубликования издания
Секретариата Организации Объединенных Наций, озаглавленного "Истоки и
история проблемы Палестины, часть I: 1917-1947 годы" I/; и "Часть II:

* A/35/50.

I/ Издание Организации Объединенных Наций, в продаже
под № R.78.I.19.

80-16508

/...

1947-1977 годы" 2/ (ST/SG/SER.F/1). В этих письмах я выразил сожаление в связи с тем, что Организация Объединенных Наций пошла по характерному для некоторых режимов пути, который заключается в переписывании истории в угоду преходящим интересам той или иной политической группировки.

Со времени представления вам указанных писем были опубликованы три других "исследования" из этой серии. Они озаглавлены: "Право палестинского народа на возвращение" (ST/SG/SER.F/2) 3/; "Право палестинского народа на самоопределение" (ST/SG/SER.F/3) 4/; и "Международно-правовой анализ основных резолюций Организации Объединенных Наций по вопросу о Палестине" (ST/SG/SER.F/4) 5/.

Как и в случае первого "исследования", все остальные были подготовлены "Специальной группой по правам палестинцев" или под ее эгидой в рамках Секретариата "под непосредственным руководством" "Специального комитета по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа". Первые три "исследования" были опубликованы без указания авторов; четвертое, как заявляется, отражает мнение только ее авторов - У. Томаса Маллисона и Сэлли Маллисона.

Три новых псевдонаучных издания вызывают не меньше возражений, чем первые. Украшенные гербом Организации Объединенных Наций и одобренные Генеральным секретарем, эти последние "исследования" предназначены не только для того, чтобы расширить совершенно ложное представление об истории арабо-израильского конфликта, но и для того, чтобы распространить фальшивые теории в отношении ряда сложных правовых вопросов, связанных с арабо-израильским конфликтом.

Предвзятые мнения, изложенные во всех "исследованиях", так же как и рекомендации Комитета, под "руководством" которого они были подготовлены, полностью совпадают с мнениями террористической ООП, организации, которая привержена уничтожению Израиля, государства-члены Организации Объединенных Наций.

Публикуя и распространяя эти издания, Организация Объединенных Наций оказывает услугу международному террору, а не делу международного мира. В результате этого Организация Объединенных Наций вновь неправильно использовала международные средства, создала серьезную угрозу целостности Секретариата и подставила Организацию под удар суровой и более чем оправданной критики.

2/ Издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.78.I.20.

3/ Издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.78.I.21.

4/ Издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.78.I.22.

5/ Издание Организации Объединенных Наций в продаже под № R.79.I.19.

Правительство Израиля не намерено реагировать на значительные искажения, неправильное представление и другие неуместные действия, проделанные с историей и правом в этих "исследованиях".

Тем не менее оно попросило ученого адвоката профессора Джулиуса Стоуна, сотрудника Института международного права; почетного профессора международного права и юриспруденции Хастингского колледжа права Калифорнийского университета; профессора права университета Нового Южного Уэльса; почетного профессора международного права и юриспруденции Сиднейского университета; автора многочисленных авторитетных работ в области международного права, внимательно изучить эти "исследования" с правовой точки зрения. К настоящему прилагаю составленный им юридический меморандум, касающийся некоторых из основных предположений, которые авторы "исследований" стремятся утвердить.

Как можно будет убедиться в дальнейшем, этот юридический меморандум свидетельствует о том, что все "исследования" этой серии основываются на ошибочных исходных посылах и что сделанные в них выводы являются совершенно несостоятельными.

Мнения, выраженные в меморандуме, принадлежат ученому адвокату и необязательно отражают точку зрения правительства Израиля.

Имею честь просить о распространении настоящего письма и приложения к нему в качестве официального документа Генеральной Ассамблеи по пунктам 26, 51, 53, 57, 92, 106 и 109 первоначального перечня и документа Совета Безопасности.

Ехуда З. БЛЮМ
Посол
Постоянный представитель Израиля
при Организации Объединенных Наций

ПРИЛОЖЕНИЕ

Израиль, Организация Объединенных Наций и международное право

Юридический меморандум,

подготовленный Джулиусом Стоуном,

д-ром права (Гарвард), д-ром права (Лидс, почетная степень),
д-ром церковного права (Оксфорд), кавалером ордена Британской
империи 4-ой степени

сотрудником Института международного права;
почетным профессором международного права и
юриспруденции Хастингского колледжа права
Калифорнийского университета;
профессором права университета Нового Южного
Уэльса; почетным профессором международного
права и юриспруденции Сиднейского университета;
адвокатом и пр.

ИЮНЬ, 1980 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Стр.</u>
Введение	3
I. Правовые последствия резолюций Генеральной Ассамблеи	5
II. Резолюция 181 (II) Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1947 года	18
III. Право на возвращение	24
IV. Самоопределение и арабо-израильский конфликт	26
V. Удовлетворение требований о самоопределении путем изменения границ суверенных государств	39
VI. Применение силы и предполагаемая борьба за освобождение	42
VII. Права Израиля согласно международному праву, вытекающие из законной самообороны от арабской агрессии	46
Примечания	53
Добавление: Политическая необъективность в правовом споре: исследование Маллисона	58

ВВЕДЕНИЕ

1. Общепризнанным среди юристов-международников является тот факт, что каждый орган Организации Объединенных Наций дает собственное толкование своим полномочиям и процедурам. Это относится к Генеральной Ассамблее, даже в тех случаях, когда, к сожалению, большинством в этом органе управляют с помощью таких средств, как нефть, которые не соответствуют правовым и моральным достоинствам рассматриваемых ею вопросов. В соответствии с резолюцией 3376 (XXX) Генеральной Ассамблеи от 10 ноября 1975 года был создан "Комитет по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа". В своей резолюции 32/40 В от 2 декабря 1977 года Генеральная Ассамблея создала "Специальную группу по правам палестинцев" в Секретариате, которая в 1978-1979 годах подготовила и распространила ряд тенденциозных исследований "под непосредственным руководством" этого Комитета. Ниже приводится перечень этих "исследований" и их кратких названий в том виде, как они использованы в этом меморандуме.

- a) "Истоки и история проблемы Палестины" (ST/SG/SER.F/1) (в дальнейшем называемое "Истоки", опубликованное в двух частях);
- b) "Право палестинского народа на возвращение" (ST/SG/SER.F/2) (в дальнейшем "Возвращение");
- c) "Право палестинского народа на самоопределение" (ST/SG/SER.F/3) (в дальнейшем "Самоопределение");
- d) "Международно-правовой анализ основных резолюций Организации Объединенных Наций по вопросу о Палестине" (ST/SG/SER.F/4) (в дальнейшем "Резолюции").

2. "Резолюции", последнее из этих "исследований", повторяя и дублируя многое из того, что содержится в предшествующих документах, отличается от них тем, что оно раскрывает личность их авторов, а именно, У. Т. Маллисона, профессора права, директора Программы международного и сравнительного права университета им. Джорджа Вашингтона, и Сэлли В. Маллисон, младшего научного сотрудника. Хотя это "исследование", также как и прочие, было подготовлено и опубликовано "по просьбе Комитета по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа", Секретариат считал необходимым не отождествлять себя с авторами, заявив, что "приведенные в исследовании анализы принадлежат авторам", выступив, таким образом, с предупреждением, которого не было в трех предыдущих "исследованиях", чьи авторы не были указаны. Настоящее рассмотрение всей серии совершенно необъективных "исследований", непонятно почему увенчанной официальным гербом Организации Объединенных

Наций, указывает на то, что осторожность вышестоящего Комитета, которая выразилась в его отмежевании от "Резолюций", вполне уместна и ее следовало продемонстрировать в отношении всех остальных "исследований", авторы которых неизвестны.

3. Ниже приводится структура доводов, на которых авторы основывают свои выводы. Во-первых, они пытаются убедить в том, что Организация Объединенных Наций, в частности Генеральная Ассамблея, является "международным нормообразующим органом". Во-вторых, они делают различные выводы из "резолюции о разделе", до того как она была нарушена в результате отказа от нее арабов и вооруженной агрессии в 1947-1948 годах, и заявляют о том, что данная "резолюция" в настоящее время остается "нормой", установленной Генеральной Ассамблеей, которая все еще имеет силу по истечении трех десятилетий. В-третьих, они пытаются доказать, что неоднократно повторяемые положения в резолюциях Генеральной Ассамблеи, начиная с резолюции 194 (III) и кончая резолюцией 3236 (XXIX), устанавливают в международном праве "право на возвращение" арабских палестинских беженцев. В-четвертых, авторы также стремятся доказать, что неоднократно ссылаясь на резолюции Генеральной Ассамблеи, принятые после 1970 года, являются основой для правового определения права на самоопределение палестинских арабов и что Генеральная Ассамблея полномочна изменить границы Израиля с целью осуществления этого права.

4. Юридическое достоинство этого одностороннего довода зависит не только от его внутренней последовательности, но и от обоснованности исходных данных. Я рассмотрю оба эти аспекта, начав сразу же с основной посылки, от которой отталкиваются все выводы: статус и действительность резолюций Генеральной Ассамблеи в международном праве.

5. Хотя первоначально я собирался рассмотреть соответствие нормам международного права утверждений и предположений, сделанных в "исследованиях", я вскоре столкнулся с необходимостью расширить рамки этого первоначального замысла. Я понял, что результаты этого правового анализа, вероятно, окажут критическое воздействие не только на арабо-израильский конфликт, но и на некоторые основные доктрины международного права. Таким образом, в этом меморандуме анализируются правовые аспекты многих сложных проблем, непосредственно связанных с Ближним Востоком, и при этом уточняются основные вопросы современного международного права. Помимо правового статуса резолюций Генеральной Ассамблеи в этом меморандуме будут рассмотрены воздействие давления на участников Генеральной Ассамблеи, оказываемого, например, с помощью нефтяного оружия; правовой статус предполагаемого права на самоопределение народов, содержание и рамки этого права и его отношение к ограничениям по применению силы, установленным в международном праве; применение основного принципа международного права *ex injuria non oritur jus*, и другие не менее важные вопросы международного права.

I. ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕЗОЛЮЦИЙ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

6. Основное общее правило правового воздействия резолюций Генеральной Ассамблеи было определено судьей сэром Хиршем Лаутерпахтом в его заключении по делу "Юго-Западная Африка - процедура голосования". Он отметил, что за исключением тех случаев, которые иным образом оговариваются в Уставе Организации Объединенных Наций (как, например, в отношении бюджета в соответствии со статьей 17 или принятия новых членов в соответствии с пунктом 2 статьи 4), "решения Генеральной Ассамблеи... не являются обязательными с точки зрения права для членов Организации Объединенных Наций". Помимо таких исключений, содержащихся в Уставе, "резолюции" этого органа, даже если они имеют форму деклараций или решений, "носят рекомендательный характер..., правовое воздействие которых, хотя и не отсутствует полностью, ... имеет характер не более, чем морального обязательства". Обязательный характер этих резолюций, с точки зрения права, должен устанавливаться в соответствии с признанными требованиями для создания обычного права или договорного права 1/.

7. Спустя поколение, в не менее обдуманном заключении, другой видный бывший судья Международного Суда сэр Джеральд Фицморис так же четко отверг "представление" о том, что резолюция Генеральной Ассамблеи может иметь "нормообразующее воздействие". Он, среди прочего, указал на то, что предложение Филиппин о ясно выраженном наделении таким нормообразующим характером было отвергнуто подавляющим большинством участников конференции в Сан Франциско; что, в соответствии с общей структурой Устава, функции Генеральной Ассамблеи (в отличие от Совета Безопасности) ограничиваются чисто рекомендательными; что именно это ограничение объясняет то, почему государства-члены Организации Объединенных Наций так часто готовы молча согласиться с тем, чтобы допустить принятие значительного количества резолюций, воздерживаясь, в ходе голосования, или не подавая голоса против; и что значение, которое резолюция Генеральной Ассамблеи, возможно, имеет для международного права, заключается, самое большее в том, что содержание какой-либо отдельной резолюции может быть рассмотрено для принятия государствами в "отдельном договоре или конвенции", имеющих обязательный характер в силу их принятия 2/.

8. Эти научные мнения были подтверждены в следующем году на 1492-ом заседании Шестого (правового) комитета Генеральной Ассамблеи замечательным выражением совпадающих мнений членов Организации Объединенных Наций. На рассмотрении Комитета находился проект резолюции о роли Международного Суда. В преамбуле говорилось о возможности принятия во внимание Судом деклараций и резолюций Генеральной Ассамблеи при решении спорных вопросов. Самые разные государства со всех концов земного шара отвергли даже такую, довольно мягкую, ссылку. Предложение, как заявляли некоторые, представляло собой попытку "косвенно изменить" статью 38 Статута Международного Суда и "подорвать международную структуру Организации Объединенных Наций". Оно могло означать, "что резолюции Генеральной Ассамблеи могут сами по

себе развивать международное право". Предложение наделяло Генеральную Ассамблею "полномочиями, выходящими за рамки ее компетенции". Оно представляло собой попытку "дать директивные указания, касающиеся источников права", отличную от мнения о том, что резолюции и декларации Генеральной Ассамблеи "являются, главным образом, рекомендациями и не носят обязательного, с точки зрения права, характера". Декларации и резолюции Генеральной Ассамблеи нельзя рассматривать в качестве источника международного права, "особенно ввиду того, что они носят во все большей степени политический характер, который зачастую не отвечает нормам международного права".

9. Поэтому, прежде чем брать во многих случаях за основу резолюции Генеральной Ассамблеи как документы, устанавливающие правовые обязательства, авторы "исследований" должны дать читателям полный, тщательный и объективный анализ требований, необходимых для обоснования их доводов, в соответствии с статьей 38 Статута Международного Суда. Неспособность авторов правильно подвести в качестве правой основы их тезисов недавно принятые резолюции Генеральной Ассамблеи особенно проявляется в структуре "исследования" под названием "Резолюции". Оно начинается с раздела, посвященного "Правовой компетентности политических органов Организации Объединенных Наций", очевидной целью которого являлось преувеличение правового значения тех резолюций Генеральной Ассамблеи, которые соответствовали их тезисам.

10. Несмотря на спорный характер данного вопроса и наличие значительной библиографии по нему, "Резолюции" претендуют на его решение с помощью двух тщательно подобранных цитат. Одна взята из общего заявления профессора Розалин Хиггинс 4/ о том, что результаты голосования и мнения государств "приобрели правовое значение" и что "коллективные действия государств, которые достаточно часто повторяются и с которыми соглашается достаточное их /государств/ число, приобретают в конечном счете силу правовой нормы" (акценты выделяются). Другая цитата взята из частного мнения судьи Танаки по ряду дел, касающихся Юго-Западной Африки 5/. Но в этом мнении судья Танака указывает лишь на то, что традиционные требования к созданию новой нормы обычного права (практика, повторения *opinio juris sive necessitatis*) остаются неизменными. Однако их развитие может быть ускорено с помощью современных методов связи и международной организации.

II. После этих тщательно подобранных общих фраз авторы "исследования" сразу же переходят (стр.6) к своему собственному изложению желательной для них нормы, а именно того, что "при разработке норм обычного права как на основе коллективных действий государств (в случае голосования за конкретные резолюции Генеральной Ассамблеи), так и на основе их индивидуальных действий должна учитываться практика государств". С тем, что бы это краткое изложение правильно отразило мнения авторитетов, которых цитируют авторы, последние должны были затем перейти с той же тщательностью, с какой это сделали профессор Хиггинс и судья Танака, к рассмотрению дополнительных

требований. К ним относятся согласие достаточного числа государств, проявление *opinio juris sive necessitatis*, достаточное число участвующих государств (с учетом характера их заинтересованности как прямой, так и обратной, в данном вопросе), а также достаточное число случаев, когда эти требования удовлетворяются. Таким образом, приведенные авторами цитаты по аналогии продолжались изложением этих требований обычного права. Не обращая внимание на соответствующие особенности обычного права, авторы искажают аналогию, превращая ее в неопределенное понятие "консенсуса".

12. Желание Маллисонов упростить норму превращения резолюций Генеральной Ассамблеи в нормы международного права и их неспособность доказать этот аргумент понятны. Трудно понять то, почему, являясь юристами-международниками, они проявляют такие поверхностные знания масштабов и глубины противоречий среди их коллег, которые не допускают такого упрощения. Целых шесть гипотез - каждая со своими собственными критериями и рамками - встречаются в литературе и оспариваются авторитеты. К ним относится режим поведения при голосовании: 1) как продолжение договорообразования; 2) как полномочное толкование действующих договоров; 3) как выражение "общих принципов права"; 4) как декларирование наличия норм международного права; 5) как новый источник международного права, восполняющий недостаток источников, перечисленных в статье 38 Статуса Международного Суда; и 6) как средства создания неформальных устремлений среди государств. Согласно шестой гипотезе, устремления могут быть преобразованы в обязательные нормы, зависящие от того, а) отражают ли голоса государств интересы всех затронутых сторон при рассмотрении спорных вопросов; б) избегают ли они крайних и непримиримых позиций; в) свободны ли они от туманных и неопределенных формулировок; г) свободны ли они от политически мотивированного двойственного подхода; д) не используются ли они для защиты односторонних позиций в политических спорах; е) не принадлежат ли они какому-либо международному органу, применяющему при рассмотрении данного вопроса необъективные методы обсуждения и принятия решений.

13. Гипотезы 1-5, а также гипотеза, основанная на аналогии с обычным правом, остаются рудиментными, причем, применяемые критерии вызывают сомнения и споры. Что касается гипотезы (6), то в ходе нашего рассмотрения станет очевидным, что большинство решений, принятых в последнее время Генеральной Ассамблеей по Ближнему Востоку, особенно после использования нефтяного оружия в 1973 году, представляют собой подлинный пример того вида мер Организации Объединенных Наций, которые не переходят в норму б/.

14. Но авторы не затрудняют себя исследованием этих имеющих жизненно важное значение вопросов. Вместо этого они заполняют этот пробел кратким поверхностным изложением основных вопросов, по которым Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея полномочны принимать резолюции в соответствии со статьями 12-14 и 33-38 Устава. Удивление

вызывает то, что при этом они не ссылаются на связанное с их тезисом положение о том, что только при определенных решениях Совета Безопасности статья 25 Устава может создать имеющие правовую силу обязательства государств-членов. Резолюции Генеральной Ассамблеи правовой силой Устав не наделяют.

15. Игнорируя и обходя стороной все эти вопросы, авторы предлагают читателю (стр.9) согласиться с предположением, что все юридические заявления, повторяемые в резолюциях Генеральной Ассамблеи, становятся *ipso facto* нормой международного права по "консенсусу". Действительно, при таком голословном утверждении единственное реальное содержащееся в "Резолюциях" руководство для отбора тех резолюций Генеральной Ассамблеи, которые отвечают требованиям норм обычного права, гласит, (стр.4-5) что "эта практика /т.е. практика выражения консенсуса по правовым вопросам через посредство Генеральной Ассамблеи/ в особенности четко прослеживается в резолюциях Генеральной Ассамблеи, касающихся Палестины, Израиля и Ближнего Востока". Таким образом, предложив в качестве основы для их заявления о том, что определенные резолюции, касающиеся палестинских арабов, являются нормативными, рамки, в которых резолюции Генеральной Ассамблеи могут браться за основу при определении наличия новых норм международного права путем непосредственного решения государств-участников, авторы просто предлагают эти же резолюции в качестве примера того, как новые нормы обычного права создаются Генеральной Ассамблеей. Тот факт, что авторы не смогли заложить твердой правовой основы для их толкования резолюций Генеральной Ассамблеи, опровергает все основные доводы "исследования". Их доводы о том, что внушительный ряд правовых обязательств, вытекающих не из традиционного международного права и Устава, был наложен на Израиль резолюциями Генеральной Ассамблеи, не выдерживают тщательного разбора и поэтому должны быть отвергнуты.

* * *

16. В 1977 году профессор Шрёер в своем обзоре о состоянии международного права весьма разумно отметил:

"Значение рекомендаций не в последней мере зависит от морального авторитета принимающего их органа. Только поддержание высоких и единых стандартов принятия решений в международном органе сможет наделить его рекомендации силой убеждения для всех секторов международного сообщества. Применение мотивированных в политическом плане двойных стандартов или использование резолюций общего характера для защиты своих позиций во время политических споров могут поставить под сомнение правомочность международного органа даже в тех областях, где соблюдается относительное согласие" 2/.

Существует несколько причин подозревать, что эта довольно очевидная предпосылка, необходимая для придания обязательной силы резолюциям Генеральной Ассамблеи, в последние годы часто не соблюдается.

17. Одним из подтверждений этому является тот факт, что некоторые решения названного органа, даже в тех случаях, когда они претендуют на "провозглашение" или "толкование" права, скорее напоминают краткосрочные политические действия с позиции силы, а не совещательный законодательный процесс. В Генеральной Ассамблее - органе, состоящем из более чем 150 членов, осуществляющем свою деятельность на основе правила "одно государство - один голос", крупные державы, такие как Советский Союз, или союзы, которые контролируют основные ресурсы, такие как, например, нефть, наряду с крупными блоками стран третьего мира имеют возможность превратить этот орган в еще один инструмент своего собственного политического благополучия. В Генеральной Ассамблее при ее ограниченных полномочиях, предусмотренных в Уставе, такая парламентская ситуация будет представлять собой терпимую (может быть даже желательную) арену для ведения международной политики. Однако когда большинство группировок, состоящих из временных или меняющихся союзов, пытаются придать обязательную силу закона резолюциям, которые они проводят через этот орган, то такое положение становится неприемлемым и опасным. Узурпирующая власть в настоящее время направляется против многих государств западного мира и еще более того против Израиля.

18. Второй повод для непризнания нормообразующего воздействия резолюций Генеральной Ассамблеи заключается в принуждении или политическом давлении, которое регулярно оказывается на государства при голосовании в Генеральной Ассамблее. Например, боязнь введения принудительного эмбарго на поставки нефти со стороны нескольких государств с мизерным населением, но колоссальным влиянием в силу важности контролируемого ими ресурса постоянно воздействует на государства-члены, которые, возможно, хотели бы проголосовать против или даже воздержаться при голосовании ряда вопросов особенно, но не

исключительно касающихся положения на Ближнем Востоке. При соответствующем давлении достаточное число государств может быть "принуждено" поддерживать или, по крайней мере, воздержаться от голосования против таких резолюций, с тем чтобы собрать большинство голосов в их поддержку. Но "принуждение" такого характера, конечно, не соответствует проверенному временем требованию *opinio juris sive necessitatis* в процессе международной нормообразующей деятельности. В юриспруденции быть "принужденным" подчиниться воле вооруженного бандита не означает быть согласно праву обязанным поступать так. Процесс такого рода, касается ли он вопросов Ближнего Востока или других вопросов, не может создать международно-правовых обязательств.

19. Резолюция 34/65 В Генеральной Ассамблее от 29 ноября 1979 года, в которой кэмп-дэвидские соглашения и другие соглашения, включая мирный договор между Израилем и Египтом, провозглашаются как "не имеющие юридической силы", представляет собой с новой точки зрения угрозу международному правовому порядку в результате автоматического придания юридической (или даже моральной) силы резолюциям Генеральной Ассамблеи. Такое экстраординарное суждение о юридической силе соглашений, которые были заключены в результате свободных переговоров между суверенными государствами, отражает политику арабских "несоглашенцев" и намерение Советского Союза сохранить свою роль сверхдержавы на Ближнем Востоке. Но эти политические заявления не могут быть трансформированы в "правовые" нормы путем голосования в Генеральной Ассамблее. 38 государств голосовали против этой резолюции, 32 государства воздержались, включая Соединенные Штаты Америки и девять членов Европейского экономического сообщества, а также около 60 других членов. Если характер этого голосования проанализировать более тщательно, выяснится, что многие из воздержавшихся голосовали бы против, но не поступили так, опасаясь применения против них нефтяного оружия. Это большинство включает в себя более десятка членов, которые являются либо производителями нефти, либо арабскими или мусульманскими странами в союзе с ними, либо коммунистическими или находящимися в союзе с коммунистическими странами государства.

20. То, что в настоящее время такой расклад голосов в Генеральной Ассамблее является типичным, видно из сравнения известной резолюции 3379 (XXX) от 1975 года, которая претендовала на официальное "определение" "сионизма" в качестве одной из форм "расизма". И в этом случае практически половина членов Организации Объединенных Наций голосовали против этой резолюции или воздержались, а большинство состояло только из 72 из 142 членов Организации Объединенных Наций. При этом голосовании было очевидным давление, оказанное производящими нефть государствами в союзе с коммунистическими государствами. Совершенно ясно, что возможности предотвратить принятие таких резолюций нет. Но не это является главным вопросом. Вопрос

заключается в том, следует ли, как того требуют закулисные манипуляторы, к этим экстравагантным высказываниям добавить атрибут обязательной силы в рамках международного права.

21. Было бы крайне странно, если правовой порядок, согласно которому договоры, заключенные в результате угрозы силой или ее применения, являются недействительными (см. статью 52 Венской конвенции о праве международных договоров), в то же время придавал бы обязательную юридическую силу резолюциям Генеральной Ассамблеи, за которые государства голосовали, испытывая колоссальное давление. Без сомнения, невозможно свести на нет воздействие на результаты переговоров между государствами различных аргументов, определяемых либо наличием нефтяных ресурсов, либо наличием вооруженной силы. И все же, подобно тому как в Венской конвенции о праве международных договоров определяются пределы допустимой роли вооруженной силы в принуждении какой-либо стороны согласиться с тем или иным требованием, необходимо определить соответствующие пределы и для других средств принуждения, включая угрозу экономического удушения путем отказа в предоставлении жизненно необходимых запасов нефти.

22. В Уставе существует ряд конкретных положений, регулирующих применение чрезмерного экономического принуждения. Во-первых, в статье 53 говорится, что "никакие принудительные действия не предпринимаются в силу региональных соглашений или региональными органами без полномочий от Совета Безопасности". И, тем не менее, именно это произошло в 1973 году, когда арабские государства ввели эмбарго на поставки нефти в Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Японию и другие государства. Такие односторонние меры не соответствуют положениям Устава даже в том случае, когда политические требования арабских государств в отношении Израиля выдвигаются в соответствии (хотя это не так) с резолюциями Совета Безопасности. Во-вторых, чрезмерное принуждение посредством применения конкретных мер по поставкам нефти, вероятно, представляет собой угрозу применения силы, запрещенную в пункте 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций. Существует огромная разница между этой степенью экономического принуждения, основанного на монопольной власти над нефтяными ресурсами, и чисто юридическим эмбарго, вводимыми одним государством против другого, при отсутствии фактора монополистического контроля. Если дело обстоит так, то Венская конвенция о праве международных договоров делает недействительным любое договорное обязательство, которое государство, таким образом, привнуждено принять. В-третьих, многие члены Организации Объединенных Наций обратили внимание на связь с определением агрессии, которое включает в себя "экономическую агрессию", и на то, что ее жертвы правомочны предпринимать соответствующие меры для своей самозащиты. В-четвертых, такого рода заговоры группы членов с целью нанесения ущерба экономике других членов для осуществления своих политических целей совершенно очевидно находятся в противоречии с целями и принципами статей 1 и 2 Устава,

а также Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятой Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 2625 (XXV). В-пятых, как заявил ряд государств в Специальном комитете по определению агрессии, "суверенитет" государств, защищаемый статьей 2 Устава, а также определением агрессии, может включать и экономические аспекты в дополнение к территориальной целостности и политической независимости. Таким образом, чрезмерное принуждение и сомнительная правовая сила нефтяного бойкота, предпринятого арабскими государствами, согласно статье 53 Устава, видимо, представляет собой "угрозу силой или ее применением", что противоречит принципам Устава.

23. Если применение различных видов и степени принуждения против отдельных государств или региональных групп является, таким образом, неправомерным, было бы нелепо предполагать, что оно может быть законным тогда, когда оно применяется против целого ряда государств-членов Организации Объединенных Наций в Генеральной Ассамблее. Соответственно, абсурдно было бы утверждать, как это утверждается во всех этих "исследованиях", что заявления, достаточно часто повторяющиеся в резолюциях этого органа, становятся нормами международного права, независимо от вида оказываемого при этом принуждения, будь то поставки нефти или другой вид давления, который заставляет членов голосовать за или воздержаться от голосования, допуская принятие этих резолюций. Эта странность появляется не только в игнорировании незаконного давления, в результате которого достигается чистое подобие консенсуса и которое в принципе делает эти резолюции псевдорезолюциями. Этот абсурд разрастается до колоссальных размеров в результате утверждения, что такие резолюции трансформируются в нормы международного права, обязательные для соблюдения всеми государствами.

24. Третья причина отвергнуть утверждения о том, что резолюции Генеральной Ассамблеи, как таковые, создают обязательные нормы права, заключается в практикуемом в настоящее время в Генеральной Ассамблее довольно неразборчивом одобрении заявлений, сделанных во имя "международного права" просто потому, что они представляются "прогрессивными" в смысле ограничения законных прав государств, не принадлежащих к так называемой группе неприсоединившихся стран. На такие позиции иногда встают довольно искренние публицисты, и тем не менее зачастую они отражают довольно наивные взгляды не только на международное право, как таковое, но и на мораль и международную политику. Зачастую эти публицисты занимают непреклонные позиции в пользу ограничения правомерного обращения к силе государствами, в то же время заявляя и при этом не испытывая чувства неуместности, что государства также свободны начинать или поддерживать войны за независимость по своему выбору при том условии, что они в состоянии контролировать любыми имеющимися

у них средствами голоса в их защиту в Генеральной Ассамблее. Такие доктрины защищают двойные стандарты, которые доктор Шрёер по праву называет фатальными для придания нормообразующей силы Генеральной Ассамблее.

25. Такое "смягчение" доктрины, которая являлась повседневной со времен, предшествующих Вестфальскому миру (1648 год), происходит отчасти за счет изменения соотношения сил, культурных традиций и идеологических обязательств, а зачастую - в результате чувства вины в постколониальное время. Оно также происходит в результате накопления опыта, воображения и настойчивости, с которой советские, арабские и другие дипломаты и публицисты координируют, маскируют и осуществляют свои требования, противоречащие существующему правопорядку. Мы не ставим перед собой задачу показать, что в новой обстановке применение принципа взаимных уступок при столкновении претензии и лежащая в их основе мощь могут и не вызвать появления новых принципов для жизнеспособного правопорядка. Однако, прежде чем стать нормой международного права, любое утверждение, за которое большинство в Генеральной Ассамблее можно заставить подать голоса, должно сначала подорвать как Организацию Объединенных Наций, так и международный правопорядок, как он понимался до этого. В результате эту норму может оказаться необходимым заблокировать или уничтожить, чтобы ликвидировать любой шанс, приспособить ее к изменяющимся условиям, а также создать почву для политических и военных трагедий.

26. Работа профессора Гаэтано Аранхио-Руиса "Нормативная роль Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и Декларации принципов и дружественных отношений" 9/, по всей вероятности, является наиболее всеобъемлющим и новым исследованием этого вопроса. Этот ученый автор и опытный дипломат очень искусно скомпоновал, скурпулезно прокомментировал, терпеливо описал и критически проанализировал практику и появляющуюся во все большем объеме литературу, в которой предпринимается попытка установить, объяснить или поддержать претензии на правомерность нормообразующей функции Генеральной Ассамблеи. Эта работа привлекает внимание всех, кто ценит юридическую и интеллектуальную целостность и ставит ее выше моды и идеологии. Профессор Аранхио-Руис рассматривает целый ряд теорий, которые претендуют на способность наделять Генеральную Ассамблею нормообразующей функцией. В их число входит предположительное узаконение в силу Устава или другой договорной нормы; предположительно придающая правомерность норма обычного права, предполагаемая воля "организованного международного сообщества" и предположительно обязующая сила отдельных резолюций, рассматриваемых в качестве практики государств, переходящей в обычай, или в качестве "договорных обязательств, основанных на консенсусе".

27. Учитывая каждый такой момент, он делает вывод о том, что Генеральная Ассамблея не обладает полномочиями ни для принятия, ни для провозглашения, ни для определения, ни для толкования международного права таким образом, что это накладывало бы правовые обязательства на какое-либо государство, независимо от того, является ли оно членом Организации Объединенных Наций, и как это государство проголосовало по определенной резолюции. Его примеры касаются как попыток абстрактного "провозглашения" права Генеральной Ассамблеей, так и узурпации власти с целью вынесения решения по вопросам, по которым мнения государств расходятся, несмотря на отсутствие у нее уставных полномочий "выносить" такие решения. Он призывает юристов-международников оказывать сопротивление и отвергать то, что называет "методом мягкого права", связанным с произвольным приданием Генеральной Ассамблее независимой нормообразующей функции. На содержащиеся, в частности, в этих "исследованиях" аргументы о том, что достаточно частое повторение какого-либо заявления в Генеральной Ассамблее может само по себе превратить это заявление в норму обычного права, профессор Аранхио-Руис предлагает следующий ответ:

"Было бы слишком просто, если бы "провозглашение" норм посредством резолюций Генеральной Ассамблеи представляло собой нормообразующий процесс, зависящий только от "числа" провозглашений и размера аудитории. Мы, несомненно, призываем дать Генеральной Ассамблее возможность провозглашать эти нормы так часто и так громко, как она может и хочет их провозглашать. Однако для того чтобы провозглашенная норма стала нормой обычного права, остается еще решить вопрос о поведении и отношении государств к действительному поведению, позитивному или негативному, рассматриваемому в этой норме как должное" (стр. 476).

* * *

28. Среди других еще более ярких примеров угрозы международному правопорядку, которые представляют собой произвольные попытки превратить резолюции Генеральной Ассамблеи в документы, образующие нормы международного права, можно привести ее резолюцию 3236 (XXIX) от 22 ноября 1974 года о правах палестинского народа. Поскольку эта резолюция является также центральным моментом всех четырех "исследований", полезно изучить ее с точки зрения предшествующего общего анализа.

29. Основные проблемы и принципы урегулирования ближневосточного кризиса были изложены в резолюции 242 (1967) Совета Безопасности и подтверждены в резолюции 338 (1973), которая требует немедленного начала переговоров, направленных на установление справедливого и прочного мира. В период с 1967 по 1973 год неоднократные призывы Совета Безопасности к прекращению огня, с которыми были согласны стороны, вне всякого сомнения, имели полную юридическую силу. При тех обстоятельствах военные действия, начатые Египтом и Сирией в 1969-1970 годах и в 1973 году, и предоставление арабскими государствами баз и поддержки для террористических операций против Израиля под эгидой ООП и ее военных организаций должны были бы заслужить порицание со стороны Организации Объединенных Наций. Однако, геополитические устремления советской политики, увеличение числа членов Организации Объединенных Наций, которые солидаризировались при голосовании с коммунистическими и арабскими государствами-членами, политическое использование советского вето и вынуждающее использование нефтяного оружия не позволили Совету Безопасности предпринять какие-либо действия в ходе большей части йом-киппурской войны 1973 года.

30. Затем, 22 ноября 1974 года, Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 3236 (XXIX), которая представляла собой очевидную пародию применимых принципов международного и уставного права. Никто бы не мог представить себе результаты голосования по этой резолюции, если бы над участниками дискуссии не висел дамоклов меч нефтяного бойкота. Однако даже при таком принуждении одна треть членов Генеральной Ассамблеи либо проголосовала против, либо воздержалась. Резолюции, принятые при таких обстоятельствах, вряд ли отражают и содействуют соблюдению международного права и еще менее - справедливости и морали.

31. В резолюции 3236 (XXIX) Генеральной Ассамблеи были подтверждены "неотъемлемые права палестинского народа в Палестине". В этой резолюции также признавалось то, что ООП может справедливо претендовать на такие права. Поступая так, Генеральная Ассамблея имплицитно одобрила предыдущие действия ООП, включая террористические действия, заведомо направленные против мужчин, женщин и детей, а также против граждан, аэропортов и самолетов многих государств, которые не имеют отношения к ближневосточному спору. Аналогичным же образом и в силу позднее изложенного положения Генеральная Ассамблея также сняла все запреты на продолжение такой деятельности.

32. Во-вторых, эта резолюция нарушила различные юридические принципы и права, гарантированные международным правом и другими авторитетными и выдержавшими испытание временем резолюциями Организации Объединенных Наций. Одобрив чаяния ООП, которая (в соответствии со статьей 6 Палестинской национальной хартии) призывает к уничтожению Государства Израиль, эта мера нарушила суверенное равенство Израиля, которое гарантировано ему в пункте 1 статьи 2 Устава. Она нарушила также право Израиля не подвергаться угрозе силой или ее применению согласно пункту 4 статьи 2 и не подвергаться вооруженному нападению согласно статьи 51.

33. В-третьих, положения этой резолюции противоречили изложенным в резолюции Совета Безопасности 242 (1967) заверениям о праве Израиля "жить в мире в безопасных и признанных границах, не подвергаясь угрозам силой или ее применению".

34. В-четвертых, подтвердив по ее словам "неотъемлемые права палестинского народа в Палестине" без какого-либо географического ограничения в отношении последних двух слов, эта резолюция вступила в противоречие с резолюцией Генеральной Ассамблеи о разделе 1947 года. Хотя в результате арабской агрессии эта резолюция так никогда и не вступила в силу, Генеральная Ассамблея была вынуждена признать право еврейского народа, а позже - Израиля, на некоторую часть Палестины. Историческая и географическая "Палестина" включает в себя не только Иудею, Самарию и Газу, но и всю территорию Израиля до 1967 года и Иорданское Королевство. Несмотря на это, представитель Иордании в ходе прений по резолюции 1974 года пояснил позицию своего правительства, заявив, что Израиль был включен в "Палестину", на которую претендуют палестинцы, в то время как Иордания включена не была!

35. В-пятых, хотя в 1947 году Генеральная Ассамблея просила Совет Безопасности рассматривать применение силы арабскими государствами как "угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии", в 1974 году Генеральная Ассамблея сыграла роль фактического сообщника, поощрив возобновление агрессии именно в том ее виде, который ранее был подвергнут всеобщему осуждению. Это вызывающее сожаление резкое изменение позиции Генеральной Ассамблеи получило поддержку в виде ясно выраженного одобрения в пункте 5 этой резолюции применения ООП "всех средств" для достижения своих целей и призыва ко всем государствам и международным организациям оказать поддержку такими средствами IO/!

36. Представитель Соединенных Штатов высказал мнение многих членов, когда он сказал об опасности, которой подвергается авторитет Организации Объединенных Наций в результате принятия таких односторонних резолюций. Он назвал урегулирование мирового экономического кризиса и ближневосточного конфликта в качестве примеров оголтелого неуважения

положений Устава. Он предупредил, что, если Организация Объединенных Наций будет продолжать свою деятельность на основе арифметического большинства, то в результате появится "бесплодный вид международной деятельности" и Организация Объединенных Наций не будет более рассматриваться как ответственный форум для выражения всемирного мнения II/. Тем не менее, эта резолюция является типичной для резолюций последнего периода, на которых основаны несостоятельные выводы этих "исследований".

II. РЕЗОЛЮЦИЯ 181 (II) ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ
ОТ 29 НОЯБРЯ 1947 ГОДА

37. При проведенном Маллисонами анализе резолюции о разделе упущены два совершенно четких и основных правовых момента. Во-первых, какими были бы ее последствия для суверенного права в соответствующих территориях, если бы арабские государства не отвергли её? Во-вторых, в какой мере сохранился обязательный характер (если он вообще сохранился) после нарушения этой резолюции в результате арабской агрессии? Оба эти вопроса, естественно, являются частью того, что, по мнению авторов, называется "контекстом международного права", в котором, по их утверждению, они рассматривают соответствующие резолюции Организации Объединенных Наций. Правовые отношения между государствами не могут оставаться замороженными на одном уровне в течение более четверти века даже по желанию этих авторов.

38. Первый вопрос касается потенциальной юридической силы резолюции о разделе в случае, если бы она приобрела юридическую силу. По этому вопросу авторы вступают в определенной степени в нечестную борьбу. С одной стороны, они не отмежевываются от утверждения арабов о том, что данная резолюция была недействительной с самого начала, поскольку она (по их мнению) нарушала мандат на Палестину, как его понимали арабские лидеры (стр. 27-28) 12/. Признание этих требований, очевидно, привело бы к оправданию явного неприятия арабскими государствами этой резолюции. С другой стороны, после провала арабской агрессии, направленной на уничтожение Израиля, авторы по прошествии трех десятилетий хотели бы по вполне понятным причинам выделить некоторые положения резолюции 1947 года, которая в их интерпретации поставила бы Израиль в трудное с правовой точки зрения положение (стр. 30-31). Делая такой шаг, на который способен только сумасшедший, они в своем анализе утверждают, что Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в 1947 году была и законным преемником мандатной системы Лиги Наций и преемником ее полномочий, действующим *ultra vires*. Утверждение авторов о том, что резолюция 1947 года одновременно имеет и лишена юридической силы, весьма характерно для изложения роли Генеральной Ассамблеи в те годы и искажает ее.

39. Если мы непосредственно обратимся к вопросу о потенциальных последствиях для суверенного права в случае, если резолюция о разделе не была бы полностью лишена своего значения в результате арабской агрессии, ответ будет прост. 2 апреля 1947 года Соединенное Королевство, являвшееся государством-мандатарием, направило в Организацию Объединенных Наций официальное уведомление и уполномочило Генеральную Ассамблею попытаться урегулировать этот вопрос 13/. Поскольку в Уставе делается ссылка на мандатную систему, то просьба Соединенного Королевства представляла собой "вопрос или ... дело в пределах" Устава и могла стать предметом обсуждения Генеральной Ассамблеей в соответствии со статьей 10.

40. Однако не менее очевидно и то, что полномочия Генеральной Ассамблеи, рассматривающей вопрос в соответствии со статьей 10, сведены к необязательной силе "рекомендаций" (пункты 6-36 выше). Кроме того, формулировка резолюции 1947 года вряд ли предполагала немедленную передачу прав. Неясно было также, имела ли Генеральная Ассамблея какие-либо территориальные права в Палестине для их передачи. Элиху Лаутерпахт совершенно справедливо считает, что резолюция о разделе не носит законодательного характера, который необходим для предоставления территориальных прав либо евреям, либо арабам. Любая обязательная сила должна основываться на принципе *pacta sunt servanda*, то есть на согласии соответствующих сторон с предлагаемым планом. Такое согласие было торпедировано с самого начала непринятием арабов 14/, непринятием, которое было подкреплено вооруженным вторжением в Палестину вооруженных сил Египта, Ливана, Трансиордании, Сирии, Ирака и Саудовской Аравии, предпринятым сразу же после вывода британских войск 14 мая 1948 года и имеющим целью уничтожить Израиль.

41. Таким образом, Израиль обязан своим законным существованием не плану раздела 15/. Его независимость (как и независимость большинства других государств мира) основана скорее на его собственном утверждении независимости, защите этой независимости от посягательств со стороны других государств и на создании упорядоченной системы управления на территории, находящейся под его контролем. Как указывается в Декларации о независимости Израиля, резолюция Генеральной Ассамблеи, в лучшем случае, является признанием подлинного и исторического права "еврейского народа в Палестине. Незамедлительное признание Израиля Соединенными Штатами и другими государствами и его принятие в 1949 году в Организацию Объединенных Наций ни коим образом не были основаны на его создании в силу резолюции о разделе.

42. В Декларации о независимости Израиля от 14 мая 1948 года, опубликованной сразу же после вооруженного нападения со стороны арабских государств, в основу независимости положены следующие моменты: 1) Эрец-Израиль (земля Израиля - название Палестины на иврите) являлась исконной родиной еврейского народа, где "сформировались его духовные, религиозные и национальные черты", где он впервые добился государственности, создал культурные ценности национального и всемирного значения и дал миру Библию; 2) находившиеся в изгнании евреи не переставали молиться и надеяться на возвращение к политической свободе на земле Израиля; 3) попытки вернуться в Эрец-Израиль постоянно предпринимались разными поколениями, и в последние десятилетия превратились в массовое движение, обеспечившее возрождение земли иврита и прогресс для всех жителей; 4) исторические связи между еврейским народом и Эрец-Израилем и право еврейского народа воссоздать на этой земле свою национальную родину были признаны международным сообществом в мандате Лиги Наций; и 5) вклад еврейского

народа в победу свободолюбивых наций над нацистской тиранией завоевал ему право считаться в числе народов, основавших Организацию Объединенных Наций. Эти элементы сводятся в окончательный вывод о том, что "еврейский народ, как и все другие народы, имеет естественное право быть хозяином своей судьбы в своем суверенном государстве".

43. Все эти элементы права Израиля на суверенитет существуют независимо от Организации Объединенных Наций. Они связаны с обстоятельствами, существовавшими до создания Организации Объединенных Наций. Однако в данной Декларации содержится ссылка и на резолюцию Генеральной Ассамблеи о разделе. В ней говорится, что 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию, "призывающую" к созданию еврейского государства в "Эрец-Израиле", и что "такое признание Организацией Объединенных Наций права еврейского народа создать свое собственное государство носит необратимый характер" (подчеркнуто нами) 16/.

44. Я выделил некоторые слова, использованные в официальном переводе Декларации, поскольку использованный Маллисонами в "Резолюциях" вариант (стр. 32) изменяет их смысл таким образом, что они начинают звучать в поддержку несостоятельного в любых других отношениях утверждения о том, что "Израиль в значительной мере полагается на резолюцию о разделе как юридическое основание" и что она "является исключительной юридической основой для государства Израиль". Авторы толкуют (без каких-либо доказательств) слово "призывающая" в Декларации о независимости, как если бы оно означало понятие "уполномочивающая". Они также свободно толкуют фразу о том, что "признание" Организацией Объединенных Наций носит "необратимый характер". В контексте это означает, что предыдущие пять элементов еврейской "народности" и право на национальную независимость, поясненные ранее в Декларации, служат оправданием "такого признания" со стороны Организации Объединенных Наций. Авторы заменяют слово "признание" словом "решение", переделывая, таким образом, Декларацию о независимости Израиля, как если бы в ней было написано: "Данное решение Организации Объединенных Наций ... имеет необратимую силу". Такое искажение, очевидно, имеет важное значение для утверждения авторами того, что резолюция 1947 года имела и по-прежнему имеет обязательную силу в отношении Израиля, несмотря на ее неприятие арабскими государствами и другими соответствующими властями. Это, однако, чистейшая фабрикация.

45. Вернемся к вопросу, каковы были бы обязательные правовые последствия резолюции о разделе, если бы арабские государства не воспрепятствовали ее вступлению в силу. Ответ заключается в том, что "План раздела на основе экономического союза", представленный в приложении к этой резолюции, имел бы, если бы он был принят, обязательную силу для Израиля и для арабских государств, включая новое палестинское арабское государство, если бы оно было создано на основе нормы раша

sunt servanda. Результатом соглашения было бы предоставление суверенных прав в частности Израилю, предложенному новому арабскому государству и предложенному *corpus separatum*, включающему Иерусалим и его окрестности. Израиль был готов заключить такое соглашение. С другой стороны, как это вынуждены признать даже сами авторы (стр. 31-34), арабские государства отвергли его и предприняли вооруженную агрессию, с тем чтобы расстроить этот план I7/. Фактически никакого подобного соглашения никогда не существовало, никаких подобных действий по предоставлению и ограничению прав не предпринималось и никаких таких образований, как предлагавшееся арабское государство и *corpus separatum* в практике или праве не было.

* * *

46. Хронология событий имеет важное значение для определения того, могла ли резолюция о разделе повлиять на суверенные права в подмандатной Палестине. В этой резолюции в адрес государства-мандатария высказана рекомендация относительно принятия и выполнения пересмотренного основного плана Специального комитета Организации Объединенных Наций по вопросам Палестины (ЮНСКОП); в ней Совету Безопасности предлагается "принять меры" по осуществлению этого плана; в ней высказан призыв к населению Палестины принять необходимые меры для приведения в действие этого плана, и в ней также высказан призыв ко всем правительствам и ко всем народам воздерживаться от каких-либо действий, которые могут затруднить или задержать приведение в действие этого плана. План предусматривал прекращение мандата на Палестину и вывод британских войск не позднее 1 августа 1948 года. В нем предусматривалось, что арабское и еврейское государства и международный режим города Иерусалима должны быть созданы не позднее 1 октября 1948 года. В плане также было дано описание их будущих границ и содержатся главы, касающиеся святых мест, религиозных зданий и мест, религиозных прав и прав меньшинств, гражданства, международных конвенций и финансовых обязательств.

47. Еврейское агентство для Палестины, хотя и с неохотой, согласилось с данной резолюцией, полагая, что в ней содержатся элементы, на основе которых стороны смогут совместно создавать мирное будущее I8/. Еврейское агентство поступило так, полагая, что, несмотря на негативную позицию арабских государств в Генеральной Ассамблее, они ответят на призыв этого органа не противодействовать ее осуществлению с помощью насилия. Такое понимание органически вытекало из принципа взаимообразности в международных отношениях, основанных на обоюдном согласии. Однако арабские государства отвергли эту резолюцию как наносящую ущерб правам арабов и выходящую за пределы полномочий Генеральной Ассамблеи. В мае 1948 года они предприняли попытку захватить с помощью вооруженной силы всю Палестину. Вследствие этого, все предпосылки для вступления данного плана в юридическую

силу были окончательно ликвидированы арабскими государствами в мае, то есть за несколько месяцев до окончания срока действия мандата 19/.

48. Авторы "Резолюций" фактически не обращают никакого внимания на эти даты и события, несмотря на их решающее значение для наделения правами в международном праве. После их первоначального колебания относительно того, являлась ли данная резолюция "недействительной" *ab initio*, они еще больше запутывают вопрос, энергично утверждая, что данная резолюция, безусловно, сохранила свою действительность и по сегодняшний день (стр. 32-34), по истечении 30 лет.

49. Чудо, которое должны совершить арабские государства и вслед за ними Маллисоны, почти столь же впечатляюще, как воскрешение мертвого. Оно представляет собой, ни больше ни меньше, как воскрешение резолюции, которая, благодаря их усилиям, должна была быть мертворожденной и которую они похоронили в результате своей агрессии более трех десятилетий назад 20/. Поскольку, как было сказано, ни один из потенциальных правовых аспектов данной резолюции никогда не вступил в силу, они не могут быть в настоящее время "по-прежнему действительными".

50. Противоположное мнение, высказываемое авторами "Резолюций", явно противоречит элементарным нормам справедливости, равенства и доброй воли, характерным для большинства правовых систем, включая международное право. Кроме того, имеются и другие причины, уходящие корнями в фундаментальные понятия справедливости и равенства, в силу которых арабским государствам и палестинским арабам ни в коем случае не следует предоставлять возможности после столь незаконного применения насилия вопреки этой резолюции, требовать предоставления в соответствии с этой резолюцией законных прав. Этому препятствуют некоторые "общие принципы права", упоминаемые в пункте 1 статьи 38 статута Международного Суда. Выдвигающие претензии арабы, ищут справедливости не с чистыми руками, их дело погрязло в трясине их незаконных намерений уничтожить путем агрессии саму резолюцию, на основе которой они в настоящее время пытаются добиться справедливости. Если судить по их высказываниям, касающимся этих документов, то можно также подумать, что они склонили и других действовать в ущерб себе и что в своих действиях в настоящее время они, таким образом, лишены права отстаивать, преследуя нынешние интересы, позиции, от которых ранее отказались. Их позиция также напоминает позицию одной из сторон в сделке, которая незаконно отказалась от сделки, а затем по прошествии ряда лет обращается в суд, требуя обеспечения досконального применения отдельных положений соглашения о сделке в отношении ответчика. Подобным же образом, она напоминает позицию стороны, которая, используя незаконные действия, преднамеренно аннулировала предмет договора, составляющий "фундаментальную основу", на которой должно было строиться согласие, и теперь требует, чтобы в отношении другой стороны были применены первоначальные условия.

51. Авторы "Резолюций" пытаются отстоять некоторые по-прежнему, действительные аспекты обязательного характера резолюции о разделе, заявляя (стр. 34), что содержание некоторых последующих резолюций Генеральной Ассамблеи, особенно резолюций, касающихся палестинской народности, каким-то образом ретроспективно вдохнули новую жизнь в мертворожденную резолюцию 1947 года. Они утверждают, что эти последующие резолюции в настоящее время "отражают единодушное во всем мире мнение о поддержке". Я уже отмечал, что эти авторы недостаточно проанализировали пределы, в которых голоса в международных органах могут приравниваться к утверждению норм международного права. Такое несоответствие также подрывает конечную основу их требования о том, чтобы положения этой, ни к чему не приведшей резолюции 1947 года о разделе являются обязательными нормами международного права в 1979 году. Поскольку сами резолюции Генеральной Ассамблеи не имеют правотворческой силы, они, естественно, не могут возродить резолюцию, которая никогда не имела никакой юридической силы.

III. ПРАВО НА ВОЗВРАЩЕНИЕ

52. Рассмотрение резолюций Генеральной Ассамблеи о праве палестинских беженцев на возвращение или компенсацию свидетельствует о том, что большие надежды, которые возлагали на них авторы "Резолюций" (стр. 38-47), необоснованы. Сами авторы отмечают (стр. 38-39), что пункт 11 резолюции 194 (III) Генеральной Ассамблеи, который они справедливо берут в качестве отправной точки и основы для своих утверждений, даже не предполагал обязательной силы. Он являлся лишь частью полномочий Согласительной комиссии для Палестины. В резолюции 273 (III), касающейся приема Израиля в Организацию Объединенных Наций, содержится "напоминание" о том, что в резолюции 194 (III) беженцам предлагается выбор: или вернуться к своим очагам, или получить компенсацию, однако в ней тут же "принимаются к сведению" заявления и разъяснения, представленные Израилем относительно выполнения этой резолюции. Поскольку в заявлениях и разъяснениях Израиля данная резолюция безоговорочно не признается, ее никоим образом нельзя рассматривать как документ, создающий юридическое обязательство. Как отмечает Элиху Лаутерпахт, Генеральная Ассамблея "не могла своей резолюцией предоставить евреям и арабам в Палестине права, которыми они иначе не обладали; соответственно, она не могла также и лишить их прав, которыми они обладали" 21/.

53. Вполне понятно, что следующая резолюция Генеральной Ассамблеи - резолюция 513 (VI) - была направлена на содействие переселению беженцев, с тем чтобы покончить с их фактическим заключением в концентрационных лагерях на арабской территории. Переселение оказалось эффективным решением для гораздо более масштабных и сложных проблем беженцев в Европе после второй мировой войны. Что касается арабских беженцев, то приходится лишь сожалеть о том, что эти более гуманные и эффективные действия предпринимаются в таком не-большом масштабе в течение столь длительного времени, что, как отмечают некоторые обозреватели, для заинтересованных арабских государств сама проблема беженцев была полезнее, чем ее решение. Резолюции 2452 (XXIII), 2535 (XXIV), 2963 (XXVII), 3089 (XXVIII) и 3236 (XXIX), касающиеся беженцев, появившихся после арабской агрессии 1947-1948 годов и агрессии 1967 года, направлены на поддержку деятельности Верховного комиссара Ближневосточного агентства Организации Объединенных Наций для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР). Хотя в них содержатся различные призывы к Израилю и выражения сожаления по вопросу репатриации и компенсации, категорические утверждения, имеющие важное значение для "исследований", получили свое окончательное развитие лишь в резолюции 3236 (XXIX) от 22 ноября 1974 года. В последовавший за этим период, когда нефть стала использоваться в качестве оружия, в резолюции Генеральной Ассамблеи перед словами "право на возвращение" действительно стали регулярно включать определение "неотъемлемое".

* * *

/...

54. Даже если рассматривать эти резолюции как декларативные в смысле норм международного права, тем не менее, возникает вопрос, почему авторы этих "исследований" игнорируют тот факт, что Израиль принял и восстановил в правах еще большее число еврейских беженцев, покинувших арабские земли с 1948 года. При проведении своего крайне педантичного анализа резолюций Генеральной Ассамблеи авторы нигде не упоминают о еврейских беженцах и даже не пытаются объяснить, почему общие судебные принципы, касающиеся данного вопроса, к которым они так красноречиво обращаются (стр. 35-37), от Магна Карты (1215 год) до Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 год), должны применяться лишь в отношении арабских беженцев и не должны применяться в отношении еврейских беженцев.

55. Члены каждой из этих групп пострадали от аналогичных ошибок. Задачу обеспечения жилья для 700 000 еврейских беженцев взял на себя Израиль в своем основном законе о возвращении 1950 года в качестве первой обязанности нового государства. Это огромное бремя возвращения людей к нормальной жизни, взятое на себя Израилем, следует учитывать с точки зрения как права, так и справедливости, при определении того вклада, который должны сделать арабские государства и Израиль в то, что в резолюции 242 (1967) Совета Безопасности получило название "справедливого" решения проблемы беженцев. Этот момент тем более важен для нашего рассмотрения, что несчастье обоих народов связано с безуспешными попытками применения вооруженной силы в агрессивных целях в нарушение Устава и резолюций Организации Объединенных Наций не Израилем, а арабскими государствами.

* * *

56. В этой связи авторы "Резолюций" проявляют удивительный астигматизм. Больше всего удивляет то, что они невнимательно анализируют соответствующие резолюции Совета Безопасности, особенно резолюции 242 (1967) и 338 (1973). В конце концов, их "исследование" называется не "Основные резолюции Генеральной Ассамблеи", а "Основные резолюции Организации Объединенных Наций". В своей запутанной доктрине о "праве на возвращение" палестинских беженцев они не обращают никакого внимания на тот факт, что в 1967 году Совет Безопасности посчитал, что он не может сослаться ни на какую жесткую норму международного права, как утверждают авторы. Авторы также обходят вниманием тот факт, что формулировка резолюции 242, призывающая к "справедливому урегулированию проблемы беженцев", не страдает от их одностороннего игнорирования еврейских беженцев с арабских земель, хотя в то же время они настаивают на восстановлении в правах арабских беженцев из Палестины. Они также упускают из виду тот факт, что уже в 1973 году Совет Безопасности в резолюции 338 (1973) подтвердил все положения резолюции 242 (1967) и призвал к проведению срочных переговоров на их основе. Это означает, что даже в 1973 году резолюции Совета Безопасности, также являющегося одним из главных органов Организации Объединенных Наций, не соответствовали восстановленному варианту международного права, предлагаемому в "Резолюциях".

/...

IV. САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ

57. Вопрос о том, является ли самоопределение - каким бы ни было его конкретное содержание - предметом концепции самого международного права или только одним из соображений политики или справедливости, которое необходимо взвешивать наряду с другими фактами и ценностями при толковании и применении правовых норм? Авторы "исследования" о "Самоопределении" спрашивают (стр. I), является ли эта доктрина "принципом" или "правом". На этот, довольно малопонятный вопрос они дают еще менее понятный ответ. Признавая, что сложность этого вопроса выводит его за рамки их исследования, они вместе с тем заявляют, что будут исходить из "аксиомы" о том, что "право на самоопределение существует в качестве решающего элемента в современной международной жизни и признается как таковой мировым политическим сообществом". Заметьте, что в этой аксиоме тщательно избегается какая-либо ссылка на правовые документы и она больше подходит для учебника социологии международного сообщества. Внимательный юрист заметит, что понятие "права" может как относиться, так и не относиться к "юридическому" праву. Я предлагаю проанализировать доказательства и процесс, посредством которого авторы "Самоопределения" и "Резолюций" стремятся продемонстрировать странное превращение этого социологического положения в предписание международного права, действующее в настоящее время.

58. Этот процесс демонстрации начинается (стр. 2-15) с упоминания мнений публицистов, которые утверждают, что "самоопределение в своем развитии превратилось в законную норму международного права". Именно на некоторых из них в области международного права не известны 22/; однако, чтобы придать объективность "исследованию", упоминаются также (хотя вовсе не исчерпывающим образом) один или два публициста, которые придерживаются противоположного мнения. Анонимные авторы вынуждены признать (стр. 13-14), что даже сегодня существуют "различные мнения по вопросу о правовом положении права на самоопределение в международном праве". Однако это никоим образом не мешает им утверждать, что право на самоопределение является "установившимся принципом международного права", поскольку в этом заключается "последовательная позиция Генеральной Ассамблеи". Кроме того, эта позиция "отражает волю международного сообщества". Это является всего лишь повторением их исходной аксиомы о том, что правовое значение возникает только в том случае, если можно утверждать, что "позиция" Генеральной Ассамблеи, отраженная в ее резолюциях, имеет правомочный характер. Однако, как было показано, несмотря на то, что в самом начале "Резолюций" предпринимаются старательные усилия продемонстрировать тот факт, что "позиция" Генеральной Ассамблеи по данному вопросу становится нормой международного права, эти усилия остаются безуспешными. Таким образом, исходя из веры (или предубеждения), а не правового доказательства, безымянные авторы "Самоопределения" совершают беспримерный подвиг, поднимая принцип самоопределения до уровня "jus cogens" 23/.

59. Поэтому в обоих "исследованиях" - о "Самоопределении" и "Резолюциях" - место права на самоопределение в правовой системе в целом утверждается в заключительных формулировках, однако нигде не приводится каких-либо доказательств этого. В этих рискованных рамках авторы предлагают вниманию ворох документов, критикующих мандат Лиги Наций и сионизм, национально-освободительное движение еврейского народа. При помощи такого же выборочного метода они повторяют (стр. 25-33) историю британского правления в Палестине и первый этап участия Организации Объединенных Наций вплоть до провала резолюции о разделе, в результате того, что авторы деликатно называют "посылкой" "арабскими государствами" "сил" в Палестину (стр. 36-37). Ни в одной части этого документа они не приводят доводов в пользу того, почему самоопределение в качестве, как они утверждают, законного права не должно применяться в отношении еврейского народа так же, как в отношении арабского народа Палестины. В равной мере ими игнорируется факт незаконной оккупации и аннексии Иорданией Западного берега и то, что Иордания за период с 1948 по 1967 год не предоставила ни малейшей степени автономии проживающим там палестинским арабам.

* * *

60. Вплоть до 1970 года резолюции Генеральной Ассамблеи касались только притязаний арабских беженцев на возвращение в свои дома и "их репатриацию, расселение и возвращение к экономической и социальной жизни и выплату надлежащей компенсации за имущество тем, кто решил не возвращаться" 24/. И лишь начиная с резолюции 2672 С (XXV) Генеральной Ассамблеи от 8 декабря 1970 года "Генеральная Ассамблея сделала шаг к признанию взаимосвязи между правом на самоопределение и другими неотъемлемыми правами" ("Резолюции", стр.50). На основе этой резолюции и содержащейся в резолюции 2649 (XXV) от 30 ноября 1979 года фразы авторы "Резолюций" позволили себе утверждать, что все ранее принятые резолюции о самоопределении народов в целом позднее и на ретроактивной основе стали "конкретно распространяться на палестинский народ" (там же). Таким образом, они признают как исторический факт положение о том, что никакие права палестинских арабов по Уставу - в том, что касается Генеральной Ассамблеи, - не признавались вплоть до 1970 года.

61. Даже резолюция 2672 С (XXV) от 8 декабря 1970 года, в которой, как утверждают, содержится эпохальное признание палестинского самоопределения, была весьма шаткой на том позднем этапе. Не менее 72 государств из общего числа 139 членом Организации Объединенных Наций в то время проголосовали против резолюции или воздержались при голосовании, и только 47 государств поддержали ее. Это положение вряд ли может свидетельствовать о вспышке искреннего, хотя и запоздавшего, признания международным сообществом устаревшей и самоочевидной истины!

62. Кроме того, беспрецедентное давление было использовано в Генеральной Ассамблее в форме нефтяного бойкота, предпринятого арабскими государствами в поддержку сирийско-египетского нападения на Израиль в 1973 году, с тем чтобы заставить большинство голосовать за резолюции, подтверждающие наличие отдельного палестинского арабского национального образования. Даже под таким давлением и нажимом, предпринятыми в 1973 году, соответствующая резолюция 3089 D (XXVIII) собрала лишь 87 голосов (при этом 39 государств голосовали против или воздержались). Следует отметить, что в следующем году, когда в резолюции 3236 (XXIX) была предпринята попытка закрепить притязания на самоопределение путем "повторного подтверждения", число членом, голосовавших против и воздержавшихся, увеличилось 25/.

63. "Исследование" о "Самоопределении" завершается (стр.38-43) разделом, озаглавленным "Подтверждение Организацией Объединенных Наций права палестинского народа на самоопределение". Несмотря на то, что в "исследовании" о "Резолюциях" искажается точная дата полного признания Генеральной Ассамблеей притязаний палестинских арабов, в "Самоопределении" даются ясные и точные данные по этому вопросу. Анонимные авторы "Самоопределения" указывают, что, только начиная с резолюции 2672 (XXV) от 8 декабря 1970 года, Генеральная Ассамблея стала подтверждать право палестинцев называться нацией. Они даже

подчеркивают (стр.38) с проникательностью, но без упоминания нефтяного оружия, что только после арабской агрессивной октябрьской войны 1973 года дело самоопределения палестинского народа "начало продвигаться ускоренными темпами". Они также подчеркивают тесную взаимосвязь между подтверждением главами арабских государств на Рабатском совещании в верхах в 1974 году права на самоопределение для палестинских арабов и статуса ООП и принятием Генеральной Ассамблеей резолюции 3236 (XXIX) от 22 ноября 1974 года, касающейся ООП. Все это дает веские основания полагать, что решение Генеральной Ассамблеи было принято под давлением арабских государств, в том числе тех, которые в настоящее время демонстрируют свою мощь через посредство ОАПЕК.

64. Авторы "Самоопределения" восхитительно суммируют (стр. 43) основной момент национальных претензий палестинских арабов следующим поразительным образом:

"Таким образом, право палестинского народа на самоопределение, в котором ему отказывали в течение трех десятилетий действия мандата, которое игнорировалось в течение двух десятилетий в Организации Объединенных Наций, в течение практически всего последнего десятилетия получает постоянное признание и твердое подтверждение со стороны подавляющего большинства государств-членов Организации Объединенных Наций..."

Как ни странно, это красноречие в отношении палестинских арабов признает, — а фактически утверждает, — что дата применения принципа самоопределения должна относиться приблизительно к 1970 году и, уж конечно же, не к половине столетия назад — к 1917 году. Последствия этого признания рассматриваются ниже (пункты 66-82).

65. Любопытно также, что в разделе о "Национальных правах народа Палестины", которому посвящено 13 страниц ("Резолюции", стр.49-62), авторы продолжают избегать упоминания самых важных и авторитетных из недавно принятых резолюций по Ближнему Востоку — резолюций 242 (1967) и 338 (1973) Совета Безопасности. Будучи специалистами международного права, авторы должны знать о значении резолюции 242 (1967) как единственно авторитетной и единогласно принятой Советом Безопасности формулировки проблем, существующих между Израилем и арабскими государствами. Они игнорируют ее последствия для вопроса о самоопределении, в том смысле, что в резолюции 242 (1967) Совета Безопасности вполне определенно исключаются все ссылки на любые национальные притязания палестинских арабов в отношении Израиля. Этот вопрос просто не вставал ни во время ближневосточного конфликта 1967 года, ни в 1973 году, когда в резолюции 338 (1973) резолюция 242 (1967) была подтверждена вновь.

* * *

66. Основное предположение, проходящее красной нитью через всю серию этих "исследований", заключается в том, что народы, чьи сопернические притязания на самоопределение должны быть урегулированы, являются еврейским народом, с одной стороны, и народом палестинских арабов, с другой. Из этого предположения делается вывод о том, что надлежащей датой применения принципа самоопределения на Ближнем Востоке является 1947 год - дата принятия резолюции о разделе. Альтернативой такой дате может быть 1974 год, когда Генеральная Ассамблея в своей резолюции 3236 (XXIX) впервые провозгласила, что "палестинский народ имеет право на самоопределение в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций".

67. Эти предположения открыто бросают вызов истории борьбы за Палестину, обходя молчанием решающее значение десятилетий, предшествовавших 1947 году. Основной вывод "самоопределения" (стр. 43) состоит в том, что никакого такого права палестинских арабов как отдельного народа не было признано "в течение трех десятилетий" мандата Лиги или "первых двух десятилетий" существования Организации Объединенных Наций. Это признание подтверждает и без того ясное утверждение, вытекающее из урегулирования периода после первой мировой войны: противоборствующие, претендующие на соответствующую часть бывших оттоманских территорий стороны ограничивались еврейским и арабским национальными движениями, и, если учитывать исторический контекст, совершенно справедливо.

68. В течение столетий, предшествовавших 1917 году, название "Палестина" никогда не применялось в отношении определенного политического, демографического, культурного или территориального образования. В течение нескольких столетий, непосредственно предшествовавших этой дате, данный район составлял часть Оттоманской империи, и долгое время ее провинциальная столица находилась в Дамаске. В 1917 году большая часть этой территории к северу от линии Яффа - река Иордан составляла часть вилайета Бейрут, а вся территория рассматривалась как часть территориального подразделения Шам (обширной области, включающей территорию нынешней Сирии и др.). Проживавшие там арабы не считали себя "палестинцами", равно как и другие не считали их таковыми, и они не отличались сколь-либо существенно от своих собратьев, проживавших в Сирии и Ливане. Это скорее "сирийское", чем "палестинское" отождествление арабов, проживавших в Палестине, послужило основой для просьбы сирийского Генерального конгресса от 2 июля 1919 года о том, "что не следует отделять южную часть Сирии, известную как Палестина, а также прибрежную западную зону, которая включает Ливан, от Сирийской стороны" 26/.

69. Фактически основным аргументом, который приводили арабы в переговорах после первой мировой войны, было не то, что "палестинцы" будут сожалеть о потере палестинской индивидуальности в результате создания еврейского национального очага, а то, что жители будут

недовольны разрывом их связей с братьями-сирийцами. В свете этих фактов утверждение, будто проживавшие в Палестине арабы считали себя в 1917 году палестинским народом в том смысле, в каком это предусматривалось в предложенном президентом Вильсоном принципе самоопределения (для краткости "принципе освобождения"), является оторванным от истории плодом воображения. Учитывать эти исторические факты не значит оспаривать принцип освобождения; это значит просто отметить, что принцип должен применяться в надлежащее время к фактам совместной жизни в том виде, в каком они действительно существуют.

70. Даже некоторые руководители ООП отрекаются от отдельного палестинского образования. Например, 31 марта 1977 года руководитель отдела военных операций ООП Зухейр Мухсин заявил нидерландской газете "Трау" о том, что:

"Нет различия между иорданцами, палестинцами, сирийцами и ливанцами. Мы являемся одним народом. Только по политическим причинам мы особо подчеркиваем наше палестинское своеобразие. Поскольку в национальных интересах арабов поощрять существование палестинцев в противовес сионизму. Да, речь о существовании отдельного палестинского образования идет только по тактическим соображениям. Создание палестинского государства является новым средством для продолжения борьбы против сионизма и за арабское единство".

71. Таким образом, факты, позволяющие правильно применить доктрину самоопределения, в данном случае относятся к 1917 году. И независимо от того, является ли эта доктрина уже частью международного права в полном смысле слова или (как полагают многие специалисты в области международного права) политической нормой или политикой или выражением справедливости, подлежащими рассмотрению, где это уместно, ясно одно, что ее применение следует основывать на фактах. Один из таких фактов заключается в том, когда по времени предъявляющая требования группа, лишенная территориального очага, впервые образовалась как народ или нация, отвечающая необходимым условиям в виде характерных особенностей в плане языка, этнического происхождения, истории, традиций и т.п.

72. Тот момент, когда можно с уверенностью сказать, что на ближневосточной арене возникло характерное только для палестинских арабов требование о самоопределении, относится ко времени принятия в 1964 году Палестинской национальной хартии (пересмотренной в качестве "Пакта" в 1968 году) 27/. Этот Пакт сам по себе с удивительной ясностью свидетельствует о том, что запоздалое самопризнание в качестве палестинских арабов подрывает их требования о территориальном суверенитете. В конечном итоге это произошло только спустя столетия после того, как нетурецкие территории Османской империи были уже распределены

78. Связь евреев с Палестиной была ярко подчеркнута в докладе Королевской комиссии (возглавляемой покойным лордом Пилом) в 1937 году. Несмотря на усердие, с каким в "исследованиях" цитируются выдержки из этого доклада, в него не были включены следующие выдержки:

"Хотя евреи были, таким образом, рассеяны по всему миру, они никогда не забывали Палестины. Если христиане с помощью библии получили представление об этой стране и ее географических названиях и событиях, которые имели место более чем два тысячелетия назад, узлы, которые связывают евреев с Палестиной и ее историей, являются для них более тесными и сокровенными. Иудаизм и его обряды берут начало в этих воспоминаниях. Среди бесчисленных данных достаточно привести тот факт, что евреи, где бы они ни находились, все еще молятся о дожде в сезон, когда он нужен Палестине. И та же преданность земле Израиля, Ерец Израиль, то же чувство изгнания проникают в вековую печаль евреев. Некоторые из лучших стихов, написанных на древнееврейском языке во времена иудейской Диаспоры, были вызваны, так же, как и псалмы пленников, страстным желанием вернуться в Сион. Эти узлы подерживались не только в душе или мыслях. Всегда или почти всегда после падения еврейского государства некоторые евреи проживали в Палестине. При арабском правлении в главных городах существовали значительные по численности еврейские общины 30/.

79. В рамках современного представления об освобождении народов крайне необходимо дать определение двум народам, чьи спорные требования были урегулированы в ходе обсуждения будущего бывших оттоманских территорий на Ближнем Востоке. Для любого справедливого решения будет губительным неправильное представление о предъявляющих требования сторонах, среди которых необходимо разделить территорию. Поспешное утверждение о том, что Израиль возник в результате несправедливости, допущенной к Палестинской нации, приводит именно к такой большой ошибке. Историческим фактом является то, что выдвигавшие требования после первой мировой войны арабы представляли арабов всего региона Ближнего Востока, включая арабов Палестины, которые в то время никоим образом не составляли отдельную национальную группу. Следовательно, признавать сейчас в 1980 году, "палестинскую нацию" и приписывать этому утверждению задним числом 80-летнюю историю, будучи соперничающей стороной, претендующей на Палестину, означает играть в недопустимые игры как с историей, так и со справедливостью.

80. Арабские национальные устремления, конечно, были осуществлены при разделе территории между арабами и евреями после первой мировой войны. Арабские требования о предоставлении суверенитета также в значительной мере были удовлетворены в процессе урегулирования, имевшем место после второй мировой войны не только на Ближнем Востоке, но и в других частях Азии и Африки. В общем, этому историческому процессу были присущи следующие характерные черты:

а) несмотря на всё постороннее вмешательство великих держав, еврейские и арабские притязания на обширные территории бывшей Османской империи вылились в дело освобождения совместно, а не (как обычно заявляют) в результате посягательств евреев на уже законные и принадлежащие исключительно арабам владения;

б) территории, переданные арабам после первой мировой войны, по площади больше в 60 раз и в сотни раз богаче своими ресурсами, чем "Палестина", определенная в 1917 году для национальной родины евреев. Фактически площадь территорий, переданных в конечном счете для удовлетворения требований арабской нации о предоставлении права на самоопределение, в 500 раз больше, чем площадь Израиля;

с) в результате принятия ряда мер после 1917 года были сделаны дальнейшие посягательства на и так уже незначительные земли, переданные для удовлетворения требований евреев. Еще в 1922 году большая их часть (а именно 35 468 кв. миль из 46 339 кв. миль, то есть более трех четвертей) была отторгнута для создания независимого Трансиорданского Хашемитского Королевства.

81. Таким образом, в период после первой мировой войны принцип освобождения был применен к соперничающим притязаниям еврейского народа и "арабской нации". Кроме этого, этот принцип был правильно применен к фактам существовавшей в то время народности путем передачи большей части территории и ресурсов всего Ближнего Востока арабской нации (включая палестинских арабов). Эта доля была вполне достаточной для того, чтобы в последующее десятилетие создать территориальную основу для десятка независимых арабских государств. Этот принцип также был применен путем передачи еврейскому народу в рамках того же процесса урегулирования небольшой части территории, включающей как Западный берег, так и Трансиорданию. Эта небольшая часть территории в 1922 году была дополнительно сокращена на четыре пятых, в результате чего доля, переданная еврейскому народу в соответствии с принципом освобождения, составила 10 871 кв. милью территории, бедной природными ресурсами и составляющей одну двухсотую часть всей распределенной территории. Это распределение никоим образом не противодействовало осуществлению права на самоопределение любой другой нации. Как известно, ни во время распределения, ни через десятилетия после него, ни одна из различных групп палестинских арабов не была признана в качестве отдельной нации ни ими самими, ни другими арабами.

82. Такое изложение исторических рамок дает ложное представление о предпринятой в Палестинской национальной хартии, которой придерживаются названные и неназванные авторы "исследований", попытке представить палестинский вопрос как начавшуюся в 1917 году борьбу между евреями мира, с одной стороны, и "палестинской арабской нацией", с другой стороны, в которой евреи захватили большую часть добычи.

Основной ошибкой в этом вопросе является непризнание того, что принцип освобождения должен применяться надлежащим образом к фактам в соответствующих временных рамках. Требование о самоопределении от имени палестинских арабов впервые было выдвинуто в резолюциях Организации Объединенных Наций в конце 60-х годов. Если бы к ним действительно отнеслись несправедливо, не предоставив им соответствующей части обширной территории, переданной в 1919 году "арабской нации", к которой они принадлежали тогда и продолжают принадлежать в настоящее время, то эту несправедливость можно приписать десятку независимых арабских государств, возникших на львиной доле распределенных земель бывшей Османской империи.

* * *

83. Отторжение в 1922 году четырех пятых территории, на которой должна была быть создана национальная родина евреев, с тем чтобы образовать сначала Трансиорданский Эмират, а затем сегодняшнее Иорданское Королевство, имеет двойное значение в рамках применения принципа самоопределения. С одной стороны, как уже указывалось, в результате этого отторжения была значительно сокращена и без того небольшая часть территории, выделенная для осуществления права еврейского народа на самоопределение. Но, с другой стороны, помимо удовлетворения притязаний Хашимитского руководства, оно предусматривало резервные земли для арабов за рекой Иордан в Палестине. Как Западный берег, так и Трансиордания исторически составляли Палестину. Следовательно, ошибочное утверждение этих "исследований", касающееся определения сторон, предъявивших требования на самоопределение в 1917 году, прямо приводит к другой имеющей решающее значение ошибке. Речь идет о содержащемся в них предположении о том, что палестинские арабы, как народ, уже не имеют родины и основы для государственности и что эти привилегии должны быть отобраны у государства Израиль. Фактически же, после первой мировой войны Трансиордания возникла на территории, вклинившейся в тот небольшой район, который справедливо был передан еврейской нации, а положения Мандата о национальной родине евреев впоследствии были сочтены для данного случая неприменимыми ЗИ/. Однако в этих "исследованиях", насколько об этом можно судить, ничего не говорится об обязательствах Иорданского Королевства по удовлетворению требований палестинских арабов.

84. Должной основой для применения принципа самоопределения в 1980 году является то, что происхождение и современное положение арабского Иорданского Королевства в Палестине свидетельствуют о лживости самого утверждения о том, что у палестинского народа нет родины. Иорданское Королевство не только возникло в Палестине вопреки протестам евреев за счет территории, переданной еврейской нации, но и неумолимо превратилось тем же ходом истории в палестинское арабское государство.

85. Поэтому в рамках сколь-либо логичного применения принципа самоопределения Иордания до 1948 года, безусловно, была палестинским арабским государством. Независимо от того, желали ли король и его палестинские подданные вести свои дела в едином или федеративном государстве, палестинские арабы уже имели родину в государстве Иордания. Эта реальность возможно время от времени скрывается за сложными отношениями между королем и подданными. Все же большую часть времени с 1948 по 1967 год и, возможно, до кровопролитных враждебных действий с ООП в 1970 году палестинские арабы в Иорданском Королевстве считали Иорданию своим государством. Действительно, в 1970 году, по-видимому, большинство палестинских арабов выступали вместе с королем и его правительством против ООП. Такое реальное положение сохраняется и по сей день.

86. Сделанное в этих "исследованиях" предположение о том, что существование Израиля лишает палестинских арабов национальной родины, является, таким образом, ошибочным. Понятно, что отвергающие факты арабские государства и Организация освобождения Палестины вынуждены отказываться от любого указания на эти ошибки. Лишь утверждая их, они могут превратить требования палестинских арабов об освобождении в претензии, направленные против Израиля, и приблизиться к своей открыто признанной цели уничтожения этого государства 32/. Вызывает удивление то, что авторы этих "исследований", якобы занимающиеся толкованием международного права, принимают эти неоправданные заверения без каких-либо возражений.

V. УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ О САМООПРЕДЕЛЕНИИ
ПУТЕМ ИЗМЕНЕНИЯ ГРАНИЦ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

87. С явным огорчением авторы "Резолюций" делают вывод о том (стр. 34), что резолюция о разделе необязательно была недействительной с самого начала, поскольку в ней признавались "национальные права" еврейского народа, а также арабов Палестины:

"Вопрос о самоопределении может быть решен и необычным образом, но нельзя делать вывод с точки зрения права о том, что конкретный метод самоопределения в двух государствах сам по себе являлся недействительным".

Учитывая эти предпосылки авторов, данное заявление действительно можно расценивать как крупную уступку. Соответствующий раздел (стр. 49) они озаглавили "Национальные права народа Палестины", что подразумевает наличие только одного "народа Палестины", имеющего право на самоопределение. Судя по написанному ими и результатам работы "Комитета по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа", можно заключить, что если существует только один народ Палестины, то им являются арабы. Этот логический вывод полностью соответствует требованиям статьи 6 Палестинской национальной хартии (1968 года) о том, что все евреи, которые обычно не проживали в Палестине до 1917 года, не должны иметь права на гражданство в предполагаемом Палестинском арабском государстве и, вероятно, должны быть высланы из страны. Таким образом, признание того, что еврейский народ, также как и арабы в Палестине, может иметь право на самоопределение, звучит весьма великодушно. Все же по мере того, как авторы разглагольствуют по поводу этой видимой уступки, становится очевидным, что по существу она незначительна.

88. Продолжая опираться в своих рассуждениях на резолюции Генеральной Ассамблеи как на правовые нормы (несмотря на то, что они, как отмечалось, не смогли этого обосновать), авторы проводят обзор утверждений о палестинской национальной общности в резолюциях Генеральной Ассамблеи, принятых после 1970 года. Затем они предпринимают попытку (стр. 58 и далее) определить точный географический район, предположительно в пределах Палестины, "к которому применяется самоопределение палестинцев". Затем они стремятся показать, как может быть гарантировано существование двух государств в Палестине на основе принципа самоопределения, несмотря на то, что самоопределение, которое отстаивают эти авторы, относится только к "народу Палестины".

89. К сожалению, в их решении мало успокоительного как для международного права, как оно понималось до этого, так и для государства Израиль. Они со всей серьезностью утверждают, что Генеральная Ассамблея в настоящее время располагает новыми полномочиями, правовая основа которых вытекает из резолюции 2625 (XXV), известной под названием "Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с

Уставом Организации Объединенных Наций" (далее "Декларация о принципах"). Всякий раз, когда какая-либо группа, которая до этого времени была связана с государством, предъявляет ему требование о представлении права на самоопределение, Генеральная Ассамблея может использовать свои теперешние полномочия и изменить границы этого государства по своему усмотрению в зависимости от того, в какой, по ее мнению, степени правительство предполагаемого государства "представляет" народ на его территории.

90. Демонстрируя замечательное умение, авторы выводят эти чрезвычайные полномочия Генеральной Ассамблеи из следующего положения, содержащегося в Декларации о принципах:

"Ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и вследствие этого имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории.

Каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны" (подчеркнуто автором).

Я не ставлю перед собой цели обсуждать вопрос о том, говорится ли в данной выдержке о том, что Генеральная Ассамблея с помощью резолюции может пользоваться решающим правом расчленять или даже ликвидировать государства-члены Организации Объединенных Наций. Любое такое присвоение полномочий вытекает за рамки представлений как специалистов по международному праву, так и национальных политических лидеров.

91. Угроза, которую представляет для территориальной целостности и политического единства и независимости всех государств Генеральная Ассамблея, располагающая такой всемогущественной силой, едва ли нуждается в разъяснении. Принцип самоопределения в настоящее время все больше используется не только против бывших колониальных держав Запада, но и внутри и между народами новых государств, получивших независимость после второй мировой войны. Следовательно, эти государства также подпадут под действие этих присвоенных полномочий Генеральной Ассамблеи создавать и ликвидировать государства путем изменения их границ.

92. Впрочем, авторы выражают некоторую обеспокоенность по поводу опасности, которой могут быть подвергнуты все государства в результате их необычного предложения. Они пытаются приуменьшить эту опасность, заявляя, что вопрос об Израиле является *sui generis*. Границы Израиля,

утверждают они (стр. 60), являются лишь фактическими, так как они существуют "в определенное время в результате вооруженного захвата и незаконной аннексии". Но это в высшей степени лживое голословное заявление о фактах и нормах, взятое практически дословно из первого доклада "Комитета по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа" 33/, не учитывает противоположные обоснованные мнения многих авторитетных специалистов по международному праву, а также неизбежные обратные последствия неоднократных решений Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности.

93. Если вопрос об Израиле нельзя так бесцеремонно выделить, то всем другим членам международного сообщества угрожает не меньшая опасность. Любое государство, соседи которого вынашивают против него агрессивные планы и способы отыскать, разработать или сфабриковать любые требования о "самоопределении", может стать жертвой для аналогичных интриг. Нечестная игра, которую ведет Комитет, покровительствующий этим псевдонаучным "исследованиям" в области международного права, представляет собой серьезную и далеко идущую угрозу всему международно-правовому порядку и самой Организации Объединенных Наций.

94. В брошюре, изданной в конце 1979 года после опубликования "Резолюций", "Комитет по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа" сделал эту угрозу еще более явной. В брошюре несколько неискренне задается вопрос: "Если ряд резолюций Генеральной Ассамблеи о праве на самоопределение в целом приводит к созданию принципа международного права, то не создает ли ряд резолюций о конкретном праве на самоопределение отдельного народа обязательств со стороны международного сообщества?" 34/. Здесь Комитет открыто выражает свое намерение возложить на большинство в Генеральной Ассамблее имеющие обязательную силу полномочия подрывать, разобщать и даже разрушать жизнь суверенных независимых государств, членов Организации Объединенных Наций под предлогом удовлетворения требований о самоопределении той или иной инакомыслящей группы.

95. Тот факт, что государства, которые могут стать жертвами этой безжалостной силы, будут уничтожены одно за другим, никоим образом не снижает угрозы, стоящей перед всеми ними.

96. В конце концов, в "Резолюциях" делается неохотное признание того (стр. 60), что границы Израиля, существовавшие до 1967 года, "возможно, получили определенное международное одобрение". Именно в этом заключается неоспоримое следствие резолюции 242 (1967) Совета Безопасности, в которой недвусмысленно говорится о выводе израильских вооруженных сил только с "территорий, оккупированных во время недавнего конфликта", а также подтверждается принцип "суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в районе". Эти положения резолюции 242 (1967) положены в основу для переговоров, которые должны были проводиться между соответствующими государствами, и они находятся в полном соответствии с принципами международного права. Любой другой подход, особенно тот, который предполагает наличие у Генеральной Ассамблеи соответствующих международному праву полномочий по определению границ Израиля, является не только неадекватным, но и явно необоснованным и опасным.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ И ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ

97. Среди наиболее возмутительных голословных утверждений в этих "исследованиях" можно назвать заявление о том, что законное, по утверждению, право на самоопределение позволяет и в соответствии с международным правом любому народу, требующему самоопределения, и поддерживающим его третьим государством на правомерной основе применять вооруженную силу против суверенного государства для удовлетворения таких требований.

98. В то же самое время, когда эта предполагаемая правовая свобода применять силу в борьбе за освобождение получала безосновательное закрепление в Генеральной Ассамблее в 1974 году для использования против государства Израиль, заканчивался седьмой год работы Специального комитета по вопросу об определении агрессии. Никакой другой вопрос не обсуждался так горячо, как вопрос о том, правомерно ли применение силы в борьбе за освобождение, несмотря на запрещение, содержащееся в Уставе. Специальный комитет состоял из 35 государств-членов и никто никогда не говорил о том, что его состав не отвечает справедливому представительству Организации Объединенных Наций. Для ученых, по-настоящему интересующихся вопросом о том, в какой степени поведение государств при голосовании в Генеральной Ассамблее отражает *opinio juris sive necessitatis*, необходимое для создания нормы обычного права, или нечто вроде согласия, которое можно рассматривать как равнозначное согласию считать себя связанным договором, эти прения являются необходимой и важнейшей частью исследовательского материала. Значение этого материала тем выше, что Генеральная Ассамблея согласилась с результатами работы Комитета и одобрила их.

99. Однако материалы, на которых они основывают свои нападки на Израиль, не свидетельствуют о том, что авторы "исследований" проявили хоть какой-нибудь интерес к этим дискуссиям, которые так тесно связаны с их показной обеспокоенностью исследователей. Если бы они изучили отчеты Специального комитета и отчеты Шестого комитета или всего лишь резолюцию 3314 (XXIX), они наверняка проявили бы большую осторожность, прежде чем представлять свои скорополительные упрощенные выводы. Они обнаружили бы, что практика государств резко противоречит тезису, на котором настаивают эти исследователи, а именно, тому, что "консенсус" государств, отраженный в ряде резолюций Генеральной Ассамблеи, наделяет содержание этих резолюций силой обязательной нормы международного права. Практика государств подрывает основной для этих "исследований" момент, заключающийся в том, что в настоящее время международное право допускает применение вооруженной силы в борьбе за освобождение, равно как и ее применение третьими государствами, поддерживающими такую борьбу.

100. За семь лет, в ходе которых Генеральная Ассамблея и Специальный комитет рассматривали вопрос о применении вооруженной силы народами, борющимися за независимость, и о применении вооруженной силы третьими государствами, поддерживающими их, были рассмотрены и отвергнуты различные доводы, выдвигавшиеся для придания законности применению силы в борьбе за освобождение. В этих доводах утверждалось, что, среди прочего, статья 51 Устава обеспечивает "право на самооборону народов и наций от колониального господства" и что право применять силу основывается на совокупности недавних деклараций Генеральной Ассамблеи, включая резолюцию 1514 (XV) о предоставлении независимости колониальным странам, резолюцию 2131 (XX) о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости, резолюцию 2625 (XXV) (уже упомянутая "Декларация о принципах"), резолюцию 2734 (XXV) об укреплении международной безопасности и, наконец, саму резолюцию 3314 (XXIX) об определении агрессии.

101. Важнейшими положениями Определения агрессии для наших целей являются статья 3g и статья 7. Статья 3g резолюции об определении обличает как акт агрессии:

"Засылку государством или от имени государства вооруженных банд, групп, и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам т.е. актам, составляющим "агрессию"7, или его значительное участие в них".

Этому явно противоречит статья 7:

"Ничто в настоящем определении, и в частности в статье 3, не может каким-либо образом наносить ущерба вытекающему из Устава праву на самоопределение, свободу и независимость народов, которые насильственно лишены этого права и о которых упоминается в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, в частности народов, находящихся под господством колониальных и расистских режимов или под другими формами иностранного господства, а также праву этих народов бороться с этой целью и испрашивать и получать поддержку в соответствии с принципами Устава и согласно вышеупомянутой Декларации".

102. Полная противоположность проектов оговорки о самоопределении, которая в итоге была включена в статью 7, положению о косвенной агрессии вооруженных банд (статья 3g) обнаружилась позже в ходе прений. Ранее было представлено три основных проекта этой оговорки.

В советском проекте не только предполагалось предусмотреть оговорку о "борьбе" за самоопределение; в нем недвусмысленно предлагалось узаконить "применение вооруженной силы в соответствии с Уставом", включая ее применение для осуществления неотъемлемого права на самоопределение 35/. С другой стороны, проект тринадцати (неприсоединившихся) стран оградил положения Устава, касающиеся "права народов на самоопределение, суверенитет и территориальную целостность", но не содержал точного заявления о том, могут ли быть использованы вооруженные силы в борьбе за это право 36/. В третьем проекте, проекте шести (западных) стран с осторожностью предусматривалось, что непризнанная "политическая единица" может считаться жертвой агрессии только в том случае, если а) она обозначена международными границами или согласованными в международном плане демаркационными линиями; и б) соответствующая "политическая единица" "не подлежит власти" государства, которое якобы совершает против нее агрессию 37/. Такое определение, конечно, включает в себя наиболее характерный вид борьбы за самоопределение. Некоторые члены возражали даже против такой ограниченной уступки негосударственным политическим единицам и считали, что жертвы агрессии должны быть по определению ограничены государствами.

103. Именно в связи с тем, что проекту тринадцати стран не удалось освободить использование вооруженных банд и другие виды косвенной агрессии от клейма агрессии, впервые возникло положение, которое, в конечном счете, воплотилось в статье 7 определения. В своей первоначальной форме (в качестве статьи 5) предложение об узаконивании применения силы негосударственными группами и государствами, оказывающими им поддержку (как об этом говорится в вышеупомянутом советском проекте), являлось вполне исчерпывающим. В предложенном определении ничто не мешало народам "применять силу и испрашивать и получать поддержку" для осуществления "своего неотъемлемого права на самоопределение в соответствии с принципами Устава" 38/. Если бы эти слова были сохранены в окончательном тексте статьи 7, они явились бы компенсацией для сторонников "войн за освобождение" за провал их попыток освободить засылку и т.д. вооруженных банд от клейма агрессии. Но приведенные выше слова сохранены не были.

104. В окончательно принятом варианте статьи 7 круг поведения, не подпадающего под обвинение, был сужен по нескольким важным аспектам. Исчезла ссылка на "народы, находящиеся под военной оккупацией" (вопрос, непосредственно связанный с проблемой Ближнего Востока). Не "иностранное господство" как таковое, а только "насильственное лишение" права на самоопределение, обеспечиваемое по Уставу, стало оправдывать право на "борьбу". И прежде всего из статьи 7 были исключены все конкретные ссылки на право применять силу в "борьбе" и на право третьих государств применять силу с целью оказания помощи. Сохранилось только сильно сокращенная формула "права этих народов бороться с этой целью" 39/. Иными словами, государства, которые

отвергали точку зрения о том, что международное право допускает применение вооруженных банд негосударственными политическими единицами или применение силы государствами, оказывающими им помощь под флагом "самоопределения" или "освобождения", вышли победителями, в то время как те государства, которые пытались отстоять мнение о том, что международное право узаконило такие виды применения силы, просто остались в численном меньшинстве и потерпели неудачу.

105. Поэтому Определение агрессии было разработано на основе именно тех резолюций Генеральной Ассамблеи, которые, как заявляют исследователи "Комитета по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа", установили нормы международного права, узаконивающие применение силы в борьбе за самоопределение. Отношение государств, участвующих в Специальном комитете, деятельность которого впоследствии была одобрена Генеральной Ассамблеей, четко свидетельствует о том, что это заявление является необоснованным. По трем критическим аспектам окончательно принятый текст полностью отвергает любые такие заявления. Во-первых, в Определении намеренно не упоминается никакое право применять силу в борьбе за самоопределение. Во-вторых, не выражено и не подразумевается никакое право получать помощь в виде силы от третьих государств. В-третьих, все ссылки на "народы, находящиеся под военной оккупацией", были изъяты. Во всех этих случаях ложные заявления, аналогичные предъявленным в "исследованиях", были решительным образом отвергнуты большинством государств, в число которых входили явно не только западные страны.

VII. ПРАВА ИЗРАИЛЯ СОГЛАСНО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ ЗАКОННОЙ САМООБОРОНЫ ОТ АРАБСКОЙ АГРЕССИИ

106. Любая правовая сущность любой обсужденной до настоящего времени резолюции Организации Объединенных Наций не может существовать в вакууме. Ее последствия должны определяться с учетом контекста прав и обязанностей соответствующих государств согласно общему международному праву, включая положения Устава и всех соответствующих обязательных решений Совета Безопасности.

107. Хотя некоторым это и не нравится, есть аксиома международного права даже в соответствии с Уставом, заключающаяся в том, что государства существуют в условиях международного правопорядка, когда сила является не монополией организованного сообщества, а скорее находится под контролем отдельных государств. В условиях, когда отсутствует доминирующая сила сообщества, происходит постоянное накопление силы (особенно военного потенциала), находящейся под контролем отдельных государств. Самое большее, что можно сделать в поддержку правопорядка и сообщества — это сосредоточить при случае некоторые частные силы против других сил в общих интересах. К сожалению, дело обстоит так, что такие силы сосредоточиваются время от времени против международного правопорядка. Именно этими причинами объясняется то, что международное право всегда *ex post facto* придает юридическую силу результатам своего столкновения с превосходящей силой отдельных государств. Предоставляя победителю на основе ненавязанного договора о мире возможность включать в нормы международного права свои условия, международное право сохранило, по крайней мере, оставшуюся часть своих норм и обеспечило свое дальнейшее существование.

108. До недавнего времени в международном праве эти правовые положения сохранялись благодаря отношениям между государствами, независимо от того, является ли сам победитель агрессором или невинной жертвой агрессии, действующей на законном основании в целях самообороны. Недавнее изменение этого положения, особенно в соответствии с Уставом Лиги Наций и Уставом Организации Объединенных Наций, связаны с применением принципа *ex injuria non oritur jus*. Независимо от того, применяется оно по отношению к договорам, заключенным на основе принуждения, или к приобретению территории, такое изменение направлено на лишение юридической силы неприменения силы как такового, а незаконного применения силы.

109. С самых первых шагов для Израиля было характерно необычайно последовательное соблюдение норм международного права, несмотря на бесконечные провокации со стороны его соседей. Именно в результате вооруженной агрессии арабских государств (осужденной как таковой в Совете Безопасности) был нарушен план о разделе, принятый еврейским народом в 1947 году. Начиная с этого момента до поездки президента Садата в Иерусалим в 1977 году по приглашению премьер-министра Бегина, Египет, как и другие арабские государства, продолжал оставаться в состоянии войны с Израилем. В течение трех десятилетий они не выполняли

свои основные, вытекающие из их членства в Организации Объединенных Наций обязанности, воздерживаться от угрозы силой или ее применения и военных действий против независимости и территориальной целостности Израиля. Это невыполнение имело формулу не только войн и угроз войной; они также предоставляли убежище и содействовали осуществлению нападений на Израиль силами вооруженных банд из Сирии, контролируемого Египтом, сектора Газы, из Иордании и Ливана. В результате этих террористических нападений были убиты и получили увечья сотни невинных мужчин, женщин и детей. Сначала с территории Иордании, а впоследствии из Ливана ООП и связанные с ней террористические организации осуществляют свои операции в течение многих лет, начиная с 1967 года, при поддержке и подстрекательстве принимающих арабских стран и других арабских государств. Эта позиция была вновь подтверждена членами Лиги арабских государств на совещании в Тунисе 22 ноября 1979 года.

IIО. Неоднократные просьбы Израиля, непосредственные или через Организацию Объединенных Наций, о прекращении этих незаконных действий оставались безответными. Военные действия Израиля в южной части Ливана были, соответственно, направлены на их ослабление. Его действия не противоречат международному праву, изложенному, например, в такой авторитетной работе, как "Международное право" Оппенгейма, изданной сэром Хершем Лаутерпахтом. В этой работе отмечается, что, если принимающему государству не удастся предупредить или, при уведомлении, ослабить эти атаки, "возникает необходимость, и государство, которому угрожает нападение, имеет право вторгнуться в соседнюю страну и разоружить потенциальных налетчиков" 40/. Эта норма международного права ясно свидетельствует о том, что речь идет о необходимости, самообороне, когда государство имеет право вторгнуться в другое государство и уничтожить или изъять оружие и базы, используемые против данного государства. Те представители в органах Организации Объединенных Наций, которые периодически пытаются осудить такие ответные действия Израиля, неправомочно изменять такие основополагающие нормы международного права. Это особенно касается тех моментов, когда фактические действия государств на международной арене не имеют никакого отношения к нормам поведения, предписываемым в этих резолюциях. Ни одно государство еще не утратило своего неотъемлемого права на самооборону, предусмотренного в статье 51 Устава.

III. После того, как соответствующие арабские государства согласились на прекращение огня во время войн 1967 и 1973 годов, незаконный характер продолжаемых ими военных действий стал (насколько это возможно) еще более очевидным. Их непрекращающиеся военные действия проводились не только в нарушение Устава, но и самих соглашений о прекращении огня, о заключении которых они умоляли и которые они торжественно признали. То, что советские и другие проарабские группировки в Организации Объединенных Наций смогли сколотить большинство и оградить эти незаконные действия от осуждения, также никоим образом не санкционировало их и не ставило под сомнение законность ответных действий Израиля.

II2. Все соответствующие государства (в том числе и Израиль) являются членами Организации Объединенных Наций, связанными обязательствами по Уставу. Отказ со стороны какого-либо члена признавать государственность и членство какого-либо уже должным образом признанного государства несовместим с положениями Устава и особенно с пунктом I статьи 2, в котором провозглашается принцип суверенного равенства всех членов. Это становится тем более очевидным, когда отказ, как, например, отказ некоторых арабских государств, отрицающих право Израиля на существование, предполагает вместе с тем утверждение наличия свободы уничтожить это государство силой, несмотря на положения пункта 4 статьи 2 Устава. Как бы ни толковался этот трудный текст, открыто высказываемые с 1948 года арабскими государствами требования уничтожить Израиль или, если говорить их языком "ликвидировать сионистское образование", идут вразрез с положениями Устава, запрещающими угрозу силой или ее применение, и четкими обязанностями, вытекающими из пункта I статьи 2, и другими положениями, касающимися обеспечения Израилю привилегий членства и мирного урегулирования споров 41/.

* * *

II3. основополагающий принцип международного права, касающийся прав государства, которое является жертвой агрессии и которое на законных основаниях управляет территорией совершившего нападение государства, также не вызывает сомнений. Принцип *ex injuria non oritur jus* предполагает, что оккупирующая на законном основании сторона, как, например, Израиль, имеет право продолжать осуществлять контроль над соответствующей территорией до заключения мирного договора. В резолюциях 242 (1967) и 338 (1973) Совета Безопасности, принятых после ответствующих войн в указанные годы, выражается требование об урегулировании спора путем переговоров между сторонами, причем в последней резолюции использованы именно эти слова. В течение десятилетия 1967-1977 годов арабские государства и Лига арабских государств усилили незаконный характер продолжаемых ими военных действий, провозгласив на своей встрече в верхах в Хартуме в сентябре 1967 года пресловутые три "нет": нет - признанию Израиля, нет - миру и нет - переговорам с Израилем 42/. Этот шаг стал существенным препятствием на пути обычных процессов послевоенного примирения и урегулирования.

II4. Между тем, нефтяная проблема, нависшая над странами всего мира, и пропагандистская машина арабо-советского блока начали маскировать, если возможно, и ликвидировать все следы этих явно незаконных действий. Хотя в соответствии с общим правом (как и резолюциями 242 и 338) арабские государства должны были обсудить во время переговоров с Израилем, среди прочих проблем, масштабы вывода израильских войск с территорий, эти государства требовали вывести войска со всех территорий до переговоров. История не знает ни одного случая, когда государствам-агрессорам предоставлялись такие исключительные права после провала их агрессии.

II5. Территориальные права Израиля после 1967 года становятся очевиднее при сопоставлении их с отсутствием прав у Иордании в Иерусалиме и Иудее и Самарии (Западный берег) после арабского вторжения в Палестину

/...

в 1948 году. Присутствие Иордании в Иерусалиме и в других точках Западного берега реки Иордан в период с 1948 по 1967 годы объяснялось лишь ее незаконным нашествием и оккупацией в 1948 году. Согласно принципу международного права *ex injuria non oritur jus*, Иордания не приобрела никакого законного права. Даже Египет отрицал суверенитет Иордании и никогда не предпринимал попыток претендовать на то, что сектор Газа является египетской территорией.

II6. Напротив, присутствие Израиля во всех этих районах в ожидании завершения переговоров об установлении безопасных и признанных границ является полностью законным, поскольку Израиль вступил в эти районы на законных основаниях в осуществление своего неотъемлемого права на самооборону. Международное право запрещает незаконное приобретение территории силой, но не касается рассматриваемого нами случая, когда захват территории является законным. В частности, оно не запрещает такие действия в том случае, когда сила используется для того, чтобы остановить агрессора, поскольку в результате такого запрета все потенциальные агрессоры получили бы гарантию того, что даже в случае провала их агрессии все утраченные при такой попытке территории будут автоматически возвращены им. Такая норма, естественно, была бы в высшей степени абсурдной.

II7. Поэтому международное право поддерживает утверждение Израиля о том, что он не обязан автоматически вернуть территории Иордании или любому другому государству по трем следующим соображениям. Во-первых, эти земли никогда не принадлежали Иордании на законных основаниях. Во-вторых, даже если бы они и принадлежали Иордании, нынешний контроль, осуществляемый над ними Израилем, является законным, и он вправе вести переговоры о масштабах и условиях вывода своих войск. В-третьих, международное право не требовало бы в этих обстоятельствах автоматического возвращения территории агрессору, даже если он является ее бывшим законным хозяином, каковым Иордания, естественно, не является. Международное право требует, чтобы стороны обсудили масштабы и условия возврата территорий.

* * *

II8. По свидетельству многих, все попытки внести поправки в проект резолюции 242 Совета Безопасности от 1967 года, с тем чтобы недвусмысленно потребовать от Израиля вывода войск к границам 1967 года, потерпели провал 43/. Данная резолюция требует вывода войск не со всех территорий, оккупированных в ходе войны 1967 года, а до линий, которые следует определить в ходе переговоров и которые затем должны стать "безопасными и признанными границами". Действительно, любое другое положение не соответствовало бы тому очевидному факту, что сразу после этой войны на 1360-м заседании Совета Безопасности 14 июня 1967 года, советская резолюция, направленная на то, чтобы заклеймить Израиль как агрессора, была отклонена 11 голосами против 4. Кроме того, Генеральная Ассамблея на своем 1548-м заседании 4 июля 1967 года задолго до того, как нефть стала использоваться в качестве оружия при голосовании, также неоднократно отказывалась поддержать такое предложение 44/.

/...

119. Учитывая, что пункты постановляющей части резолюции 242 не вызывают никаких сомнений, арабы стали концентрировать свои аргументы на преамбуле, в которой говорится о "недопустимости приобретения территории путем войны", в надежде ослабить, используя эту туманную фразу, четкую международно-правовую основу присутствия Израиля на этих территориях. Они стали утверждать, что это предложение следует рассматривать буквально в его самом широком смысле. Делая такую натяжку, они извлекают из него смысл, с которым другие государства не хотят согласиться. Действительно, этот смысл приводит к таким абсурдным результатам, что, применяя его по отношению к Израилю, они открыто отрицают его применимость к самим себе.

120. Юрист-международник, столкнувшись с таким толкованием преамбулы резолюции 242 в сопоставлении с положениями ее постановляющей части, придет, по меньшей мере, к трем логически возможным заключениям. Он должен задаться вопросом, которое из них имеет смысл в этом конкретном контексте, учитывая действующие принципы международного права, а также то, что многие называют политикой "мирового порядка", лежащей в основе этих принципов.

121. Утверждение арабских государств является одной логической возможностью и приводит к желанному для них выводу о том, что Израиль должен автоматически вывести все войска со всех территорий, каким бы законным ни было его присутствие на этих территориях. Второе утверждение заключается в том, что этот текст лишь напоминает с красноречивой напыщенностью, характерной для преамбул, признанный в международном праве принцип *ex injuria*, применяемый к незаконной войне. В таком варианте выражение "приобретение ... путем войны" означало бы начало войны с целью приобретения территории; такое начало, будучи незаконным, приводило бы в действие принцип *ex injuria*. Поскольку действия Израиля предпринимаются в целях самообороны, этот принцип никоим образом не повлияет на его упомянутые выше права в соответствии с международным правом. В-третьих, что не менее вероятно, этот текст можно рассматривать как повторное заявление довольно банального технического принципа международного права, заключающегося в том, что простой захват территории сам по себе еще не предоставляет оккупирующей стране суверенное право на нее. Для передачи права необходимы некоторые дополнительные шаги, как, например, официальная аннексия или цессия на основе мирного договора или другого общепринятого документа. Это третье толкование будет особенно соответствовать положениям постановляющей части, предусматривающим проведение переговоров по таким вопросам, как "безопасные и признанные границы", установление "демилитаризованных зон" и аналогичным вопросам, и опять-таки не повлияет на права Израиля, изложенные в данном документе.

122. Как уже говорилось, первое толкование, которого придерживаются арабские государства, противоречило бы положениям постановляющей части резолюции 242. Более того, оно противоречило бы действующим нормам международного права. Вряд ли его можно рассматривать в качестве поправки к праву, предложенной Совету Безопасности *de lege ferenda*

для будущего. Дело в том, что в этом случае данный текст означал бы, что оккупирующая страна должна уйти с захваченных территорий еще до согласования условий мира даже в том случае, если она оккупировала территорию на законных основаниях в целях самообороны от агрессора. Норма права, представленная *de lege ferenda*, должна быть по определению нормой, последствия которой будут рассматриваться желательными для всех членов сообщества в целом. Однако вполне очевидно, что данная предлагавшаяся норма была бы пагубной и нежелательной. В соответствии с ней каждый потенциальный агрессор получил бы гарантию того, что даже в случае неудачи, он будет иметь право на получение обратно каждого дюйма территории, которую он мог потерять. Эта предлагавшаяся норма дала бы такой же результат даже в том случае, если потерпевший поражение агрессор по-прежнему открыто оставлял за собой право возобновить свои агрессивные планы и даже если соответствующие территории были незаконно захвачены теми, кто с тех пор постоянно использует их в качестве базы для агрессивных действий против нынешнего захватчика. Короче, такое толкование будет, безусловно, предполагать риск утраты в результате любой планируемой агрессии. Такая норма поставит принцип *ex injuria* с ног на голову: вместо того, чтобы разубеждать агрессора, она, несомненно, поощряла бы его. Предлагать такую норму *de lege ferenda* означает санкционировать новый циничный правовой принцип, который мог бы гласить: "Если невозможно остановить агрессора, следует оказать ему помощь". Поэтому невозможно согласиться с толкованием, приводящим к подобному результату, учитывая, что есть два других толкования, каждое из которых в большей мере соответствует как международному праву, так и общему здравому смыслу, как показано выше.

I23. В этой связи следует добавить как в отношении Египта в секторе Газа, так и Иордании в Иудее и Самарии, что даже если бы их действия были законными или предпринимались не в нарушение резолюций Совета Безопасности о прекращении огня и перемирия от апреля и мая 1948 года, предлагаемая норма лишила бы их всякого права оставаться на этих территориях. Ибо в этих обстоятельствах их продолжающееся присутствие стало бы подпадать под значение, которое они хотят вложить в выражение "недопустимость приобретения территории путем войны". Из этого следует, что даже если бы данная норма была принята и обладала ретроспективным действием, она не смогла бы улучшить их нынешнее правовое положение в отношении Израиля, кроме как полностью беспринципным дискриминационным применением новой нормы в интересах - или скорее против - лишь одной стороны 45/.

I24. Наконец, следует отметить, что подобная деятельность арабских государств, направленная на "исправление" международного права для его особого применения против Израиля, неизменно проводится с 1967 года во всех органах, в рамках всех международных мероприятий. Деятельность созданного в 1967 году Специального комитета по вопросу об определении агрессии уже подробно рассматривалась в другом контексте (пункты 97-105). Однако в этой связи следует заметить, что его деятельность также характеризовалась усилиями арабских государств, направленными на включение положения о недействительности приобретения территорий даже с помощью законного применения силы. Эти усилия с позором провалились 46/.

I25. Единственное действенное положение, касающееся приобретения территории силой (статья 5, пункт 3), строго ограничивает любую недействительность, предъявляя, по меньшей мере, три требования: 1) недействительным является не приобретение территории путем лишь угрозы силой или ее применения, а приобретение территории путем "агрессии", поэтому самооборона, как, например, в случае Израиля в 1967 году, не будет считаться незаконной; 2) вооруженные акции (перечисленные в статьях 2 и 3) рассматриваются в качестве агрессии лишь в том случае, если они предприняты сначала оккупирующей страной, вдвойне исключая, таким образом, действия в целях самообороны; 3) даже такие действия, с которыми следует покончить, осуществляются "в нарушение Устава", втройне исключая, таким образом, действия в целях самообороны.

I26. В ходе всех заседаний Специального комитета и Шестого комитета Генеральной Ассамблеи в период с 1967 по 1974 годы норма права, касающаяся приобретения территории с помощью силы, основанная на принципе *ex injuria non oritur jus*, выстояла, несмотря на все попытки арабов превратить ее в орудие осуждения Израиля. Попытка исказить данный принцип международного права, с тем чтобы особо применять его в отношении одного конкретного государства, таким образом, полностью провалилась. Это объясняется не просто большим опытом и знаниями в области права представителей большинства государств, но и глубоким осознанием многими из них риска для безопасности их собственных стран, связанного с изменениями в международном праве, практические последствия которых являются, как было показано, совершенно абсурдными 47/.

Джулиус Стоун
Сидней, Новый Южный Уэльс

10 июня 1980 года

Примечания

1. I. C. J. Reports, 1955, 155ff. Его последующее пояснение относительно того, что многократное применение таких рекомендаций может перейти "границу между неуместностью и незаконностью" (стр. 137), относится к особому случаю осуществления согласно Уставу функций контроля над системой опеки. Это положение не имеет общего применения.
2. Institute of International Law, Livre du Centenaire (1973), 268ff. Обсуждение на Сан-Францисской конференции см. UNCIO Documents 70.
3. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцать девятая сессия, Шестой комитет, стр. 169 и далее.
4. The Development of International Law Through the Political Organs of the United Nations (1963) 2.
5. Second Phase, I. C. J. Reports, 1966, 6 at 248.
6. См. главным образом недавний весьма ценный обзор литературы, иллюстрирующий эти сомнения и споры, Christoph Schreuer, "Recommendations and the Traditional Sources of International Law" (1977) 20 German Yearbook of International Law 103-118.
7. Там же, at 117.
8. См. историю разработки и сферу применения статьи 52 Stone, Of Law and Nations (1974), 231-251.
9. 137 Académie de Droit International, Recueil des Cours (1972) 419.
10. Резолюция 3236 (XXIX), пункт 5. Последующие слова - "в соответствии с целями и принципами Устава" - являются двусмысленными в отношении того, следует ли усматривать какие-либо пределы в этом призыве чрезвычайного характера.
11. Пресс-релиз US-UN 191 (74) от 6 декабря 1974 года.
12. См. e. g. H. Cattan, Palestine and International Law (London, 2nd ed., 1964), на которую главным образом ссылаются авторы.
13. См. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, первая специальная сессия, пленарное заседание (A/286), стр. 183 англ. текста.
14. E. Lauterpacht, Jerusalem and the Holy Places (London, 1968), 39.
15. Разумеется, в тех пределах, в каких все заинтересованные стороны допустили ее вступление в силу, она будет иметь обязательную силу для них и для всех соответствующих сторон. Именно исходя из этого, Моше Черток, выступая от имени Еврейского агентства, провел различие в

то время между резолюцией о разделе и другими резолюциями Генеральной Ассамблеи и 27 апреля 1948 года заявил, что резолюция о разделе может (то есть, если она вступит в силу) иметь какую-то (подчеркнуто автором) обязательную силу. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, вторая специальная сессия, том II, стр. 53. Г-н Черток касался конкретной проблемы, которая возникла в 1948 году, а именно вопроса о том, может ли Генеральная Ассамблея прибегнуть к резолюции 1947 года и навязать опеку Организации Объединенных Наций в отношении Палестины. Маллисоны цитируют часть этого раздела его заявления ("Резолюции", стр. 32), в отрыве от контекста и не упоминая о предположении, лежащем в его основе, а именно об условии вступления в силу резолюции 1947 года.

16. Официальный перевод в 1 Laws of the State of Israel (5708-1948)
4. Reproduced in J. N. Moore (editor), The Arab-Israel Conflict, III, Document, (Princeton, 1974) 349.

17. Фактически, если исходить из этого предположения, то, согласно этой резолюции, Совет Безопасности должен был бы принять меры в отношении арабских государств как агрессоров. Маллисоны, как уже отмечалось, заняли двойственную позицию в отношении вопроса о том, была ли резолюция в момент ее предлагаемого осуществления "действительной", не говоря уже о ее обязательной силе для соответствующих государств ("Резолюции", стр. 30-32).

18. См. Israel and the United Nations in the Carnegie Endowment Series of National Studies on International Organization (New York, 1956), 67.

19. Еще 20 февраля 1948 года Совет Безопасности получил сообщение от Комиссии по Палестине о том, что "могущественные арабские круги как внутри, так и вне Палестины отвергают резолюцию Генеральной Ассамблеи /181 (II) от 29 ноября 1947 года/ и предпринимают сознательные шаги к тому, чтобы силой изменить предусмотренное в резолюции урегулирование" (S/676, 16 февраля 1948 года). Официальные отчеты Совета Безопасности, третий год, специальное дополнение № 2, стр. 7.

20. Вполне ясные цели нападения см. в официальных заявлениях арабских правительств и их представителей, собранных в письме Постоянного представителя Израиля при Организации Объединенных Наций от 12 декабря 1978 года (A/33/488-S/I2966).

21. E. Lauterpacht, supra, note 14, at 27ff.

22. Например, здесь и в других местах ссылки в "исследованиях" делаются на W. E. Hocking, The Spirit of World Politics (1932), 354, 372-74.

23. На стр. 15-16. В основе их рассуждений о jus cogens лежит несколько усложненный ipse dixit г-на Грос Эспиелла в его исследовании, подготовленном для Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, озаглавленном "Осуществление резолюций Организации Объединенных Наций, касающихся права на самоопределение" народов, находящихся

под колониальным и иностранным господством (E/CN.4/Sub.2/405), в особенности на стр. 30-35. Противоположную точку зрения см. в исследовании, подготовленном г-ном А. Кристеску для этой же Подкомиссии, озаглавленном "Историческое и современное развитие права народов на самоопределение на основе Устава Организации Объединенных Наций и других документов, принятых органами Организации Объединенных Наций, с особой ссылкой на содействие и охрану прав человека и основных свобод (E/CN.4/Sub.2/404), пункт 154, в котором автор прямо заявляет: "Ни один документ Организации Объединенных Наций не придает столь безусловного характера праву народов на самоопределение". Безымянные авторы также цитируют авторитетное мнение профессора Джорджа Шварценбергера о том, что, поскольку международное право всегда было системой наций-государств, оно в этом смысле всегда базировалось на самоопределении этих наций. См. G. Schwarzenberger, International Law and Order (1971), 27-28. На то, насколько неверно истолкована позиция профессора Шварценбергера, указывает тот факт, что в его важной работе Frontiers of International Law (London, 1962) ни понятие *jus cogens*, ни принцип самоопределения не обсуждаются даже в рамках подзаголовка "основные права и свободы" Loc. cit., 308ff. См. также его эссе "International Jus Cogens", 43 Texas Law Review 455 (1965). Следует напомнить, что ни один договор, ни один серьезный ученый не придает принципу *jus cogens* никакой функции, кроме негативной функции лишения силы утратившего смысл договора.

24. Граф Фольк Бернадотт, доклад о ходе работы от 16 сентября 1948 года, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, третья сессия, Дополнение № 11, I-19, документ Организации Объединенных Наций A/648.

25. См. результаты голосования в "Резолюциях", стр. 70 и далее. В этой связи следует отметить, что Конференция Организации Объединенных Наций по праву международных договоров приняла известную Декларацию о запрещении применения военного, политического или экономического принуждения при заключении договоров, торжественно осудив угрозу принуждения или его применения "в любой форме" любым государством с целью заставить другое государство "совершать какое-либо действие" в нарушение "принципов суверенного равенства государств и свободы выражения согласия" (подчеркнуто автором). Конференция Организации Объединенных Наций по праву международных договоров, Официальные отчеты, документы Конференции, стр. 285 (A/CONF.39/26).

26. См. "Foreign Relations of the United States, Paris Peace Conference, 1919, vol. 12, 781" (Доклад Комиссии Кинг-Крейна). Этот исторический факт сегодня по-прежнему дискутируется в арабских кругах. Президент Сирии Асад в 1974 году заявил, что "Палестина является основной частью Южной Сирии" (New York Times, 9 March 1974). 7 ноября 1978 года Ясир Арафат отметил, что Палестина является южной частью Сирии, а Сирия является северной частью Палестины (Voice of Palestine, 18 November 1978).

27. Английский перевод см. в Moore, op. cit., note 16, at 698, 705.

28. Ив., 43.

29. Ив., 40. Значению этого документа уделяется мало внимания в "исследованиях". См. "Истоки и история проблемы Палестины", часть I, стр. 88, пункт 7.

30. Report of the Palestine Royal Commission, Great Britain, Parliamentary Papers, Cmd. 5479 (1937), 8-9. Сравните с "Истоками", часть I, стр. 58-60.

31. Следует отметить, что в "Истоках", содержащих несколько карт, явно упущена одна крайне важная карта, а именно карта Палестины, которая была связана с мандатом на Палестину; вплоть до 1946 года эта территория включала район, который сейчас называется Иорданией и занимавший почти четыре пятых территории подмандатной Палестины.

32. Так, в политической программе, утвержденной четвертым Конгрессом "Фатх" (крупнейшей организации, входящей в ООП и возглавляемой Ясиром Арафатом), который состоялся в Дамаске в конце мая 1980 года, говорится, что цель этой организации заключается в "полном освобождении Палестины и ликвидации сионистского образования в политическом, экономическом, военном, культурном и идеологическом отношениях" (опубликована в бейрутской газете "Ал-Лива" от 2 июня 1980 года).

33. A/31/35, пункт 33.

34. The International Status of the Palestinian People (1979) 27.

35. Документ A/АС.134/L.12, включенный в доклад Специального комитета по вопросу об определении агрессии 1971 года, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцать шестая сессия, Дополнение № 19 (A/8419) стр. 26.

36. A/АС.134/L.16, там же, стр. 29.

37. A/АС.134/L.17, там же, стр. 32. Тексты этого и других более ранних проектов воспроизводятся в Официальных отчетах Генеральной Ассамблеи, двадцать восьмая сессия, Дополнение № 19 (A/9019), 7-12, начиная с приложения 1 к докладу созданного в 1967 году Комитета 1970 года, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцать пятая сессия, Дополнение № 19 (A/8019), стр. 67-75.

38. См. доклад Комитета за 1973 год, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцать восьмая сессия, Дополнение № 19 (A/9019), стр. 17 и 18.

39. С грамматической точки зрения неясно, что имеется в виду под выражением "для этой цели", предположительно "право на самоопределение и т.д."

40. Oppenheim-Lauterpacht, International Law, vol. 1. para. 130.

41. Cf. Q. Wright, "Legal Impacts of the Middle East Situation" (1968) 33 Law and Contemporary Problems 5, 17.

42. Moore, op. cit. in note 16, at 788.

43. Stone, No Peace-No War in the Middle East (1969), 34-35. Also A. Lall, The United Nations and the Middle East Crisis (1967), *passim*.

44. См. Официальные отчеты Совета Безопасности, двадцать второй год, 1360-е заседание. В Генеральной Ассамблее отклонившее большинство (включая в каждом случае число воздержавшихся) составило порядка 88 против 32, 98 против 22, 81 против 36 и 80 против 36. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятая чрезвычайная специальная сессия, 1548-е пленарное заседание. См. также Stone, The Middle East under Cease-Fire (1967), Sections, II-IX, at 2-40.

45. См. A. Lall, op. cit., в сноске 43 цитируется выступление Аббы Эбана в Совете Безопасности, Официальные отчеты Совета Безопасности, двадцать второй год, 1375-е заседание (13 ноября 1967 года), пункт 49.

46. См. анализ разработки проектов в работе Stone, Conflict Through Consensus (1977) 55-56. В проекте тринадцати держав (проект, представленный "Третьим миром") (A/АС.134/L.16 и Add.1 и 2), пункт 8, был предложен текст, согласованный с арабской позицией. Он не был поддержан.

47. После вышеупомянутого провала основных усилий арабские государства стали стремиться включить в пункт 20 доклада Специального комитета загадочное примечание 4: "В отношении третьего пункта статьи 5 Комитет заявляет, что этот пункт не должен истолковываться как наносящий ущерб установленным принципам международного права, касающимся недопустимости приобретения территорий в результате угрозы силой или ее применения". Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцать девятая сессия, Дополнение № 19 (A/9619 и Corr.1). Поскольку, как было указано, международное право представляет собой именно то, что утверждается в статье 5, цель этого пункта, как представляется, заключается в сохранении в прежнем виде точной формулировки соответствующего изложения резолюции 242 в надежде, по предположению, что арабская сторона в ближневосточном конфликте будет по-прежнему использовать ее кажущуюся двусмысленность. См. Stone, op. cit., note 46, at. 63-64.

ДОБАВЛЕНИЕ

Политическая необъективность в правовом споре: исследование Маллисона

1. В вышеуказанном меморандуме устанавливается международно-правовой контекст, в том числе превалирующие нормы в отношении территориальных прав государств в ситуациях, возникающих из законного и незаконного применения силы. В этом же контексте в меморандуме рассматриваются предположения Маллисонов в их "исследовании" о "Резолюциях", касающихся правовых последствий резолюций Генеральной Ассамблеи. Эти авторы утверждают, что в своем "исследовании" они также предприняли сознательное исследование международно-правового контекста. Поэтому мы с тревогой отмечаем, что главные вопросы и принципы, которые, как было показано, составляют часть основы международно-правового контекста обсуждаемых ими проблем, практически не были рассмотрены и даже упомянуты этими авторами. Более того, в тех случаях, когда они рассматривают этот контекст, как, например, при обсуждении вопроса о правовом значении, которое следует придавать резолюциям Генеральной Ассамблеи, они делают это без особых усилий, даже поверхностно, и игнорируют большинство авторитетов. В заключение они приводят в качестве аргумента спорное положение. В этом смысле "исследование Маллисона не отличается от предшествовавших ему трех анонимных "исследований". Ниже приводится освещение некоторых наиболее явных ошибок, — как фактологических, так и правовых, — содержащихся в этих исследованиях. Предполагается, что данное освещение приводится в качестве примера и ни в коей мере не является исчерпывающим.

2. Не исключено, что авторы не знают о ряде неточностей. Однако другие неточные факты освещаются ими во вступительной части. Один из них заключается в приводимом заявлении (стр. V) о том, что "в соответствии с договоренностями, достигнутыми в ходе консультаций с Организацией Объединенных Наций, история официальных переговоров относительно резолюций, а также не заносившиеся в отчеты консультации, в результате которых были приняты определенные формулировки, не использовалась" 1/. Ссылки на "подготовительную работу" представляют собой существенную часть международных методов толкования. Читатель имеет право спросить, почему должностные лица Организации Объединенных Наций, входящие в "Комитет по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа", или авторы хотят ее опровергнуть. Это особенно верно в связи с тем, что такие подготовительные материалы иногда имеют существенно важное значение для вопросов, которыми занимаются авторы. Как заявил сам лорд Карадон при даче свидетельских показаний, например, история нормообразующего процесса является существенно важной основой для понимания значения ссылок на вывод израильских вооруженных сил, которые содержатся в резолюции 242 Совета Безопасности 2/. Они имеют не менее существенное значение для подтверждения значения ссылок на приобретение территорий силой в нарушение Устава, которые содержатся в Определении агрессии, принятом Генеральной Ассамблеей.

3. Решение Маллисонов отказаться от использования "работ" не обязательно было продиктовано чувством того, что заведомо неполные исследования окажутся более полезными для их конкретных тезисов. Однако подобное нейтральное объяснение неприемлемо для другого заявления, приводимого во введении к их работе, а именно:

Термины "еврей" и "еврейский" используются для обозначения приверженцев особой монотеистической религии, универсальных моральных ценностей. Термины "сионизм" и "сионистский" относятся к особому национальному движению, политическая программа которого ставит своей целью, в первую очередь, создание "национального очага", а затем национального государства, расположенного в Палестине.

Авторы невинно заявляют, что в этом заключается "основное различие", которое необходимо сделать "поскольку настоящее исследование носит правовой характер" (стр. V). Однако такое соображение носит не более основной характер с правовой точки зрения, чем аналогичное различие между "ирландцами как приверженцами определенной формы христианского католицизма" и некоторыми другими терминами, употребляемыми в отношении "приверженцев политической программы обеспечения (в прошлом) независимости для Ирландии или в настоящее время для Северной Ирландии". Авторы, конечно, знают о том, что термины "сионизм" и "сионистский" неверно и умышленно были трансформированы в "расистские" в одной из наиболее достойных сожаления резолюций Генеральной Ассамблеи 3379 (XXX). Именно такие резолюции они пытаются вытаскивать из трясины международной политики на более защищенный уровень международного права. Всякий достойный уважения юрист сочтет это показное провозглашение не более чем авантюрой в практически целесообразной брани... Авторы, будучи специалистами по международному праву, должны были бы избегать моментов, сводящих на нет авторитетность своего резюме, и в особенности потому, что трудно найти приводимый ими важный юридический аргумент, который не был бы таким же сильным (или таким же слабым) без этого так называемого "основного различия" 3/.

4. С другой стороны, существует другое различие, которое действительно является "основным" не только в отношении юридического "исследования" Маллисонов, но и в отношении иллюстрации ими того, что они называют (стр. 10-20) "историей резолюции о разделе". Это различие является различием, во времени показанным ранее, между тем, что они в 1979 году называют "палестинской нацией", с одной стороны, и "арабской нацией" 1917 года, с другой стороны. Это различие не придумано автором, поскольку, как было показано, именно это утверждается в "Палестинской национальной хартии". Маллисоны могут соглашаться или не соглашаться с моим выводом о том, что бремя возмещения, причитающегося палестинским арабам, так же как и возмещения, причитающегося евреям, перемещенным в результате этого распределения, должно быть возложено на равных основаниях на арабские государства Ближнего Востока и Израиль. Однако трудно понять, почему же они вообще не затронули это важное и центральное различие, в результате чего нанесен ущерб как структуре их аргумента, так и основным выводам исследования.

5. Следует сделать еще одно замечание, особенно в свете упорных усилий Маллисонов (иногда даже доходящих до такого уровня, когда они неправильно цитируют важные документы), чтобы показать, что резолюция о разделе, принятая Генеральной Ассамблеей, является "самым важным правовым основанием для Государства Израиль" и что Израиль связан с этой резолюцией, несмотря на то, что арабские государства отвергли ее и по-предством явных актов вооруженной агрессии полностью воспрепятствовали ее осуществлению. У Маллисонов, как было показано, несколько возвышенное - если не дискриминационное - мнение о правовых последствиях резолюций Генеральной Ассамблеи. Они проявляют особый энтузиазм в отношении резолюции о разделе. Однако эта резолюция содержит одно центральное положение, ссылку на которое они умышленно избегают, а именно, что Генеральная Ассамблея предлагает, чтобы "Совет Безопасности определил как угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии, согласно статье 39 Устава, всякую попытку изменить силой то решение, которое проводится в жизнь настоящей резолюцией". Благодаря отсутствию ссылки на это положение они в состоянии игнорировать последствия, вызываемые отклонением этой резолюции арабской стороной и их вооруженной агрессией вопреки этому урегулированию и против Израиля, что воспрепятствовало даже вступлению в юридическую силу этой резолюции. Такое сообщение, если бы оно было приведено, было бы фатальным, как показано в меморандуме, для основных правовых заключений, к которым пытаются привести своих читателей Маллисоны.

6. По-видимому, эти вызывающие сожаление упущения в претендующих на объективность "исследованиях" объясняются отчасти необходимостью, которую испытывал "Комитет по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа", найти юристов, чьи уже известные мнения по данному вопросу приведут к заключениям, желательным для Комитета. Один существенно важный пример ссылки на весьма сомнительные источники имеет место в "Истоках", часть I, стр. 36 и далее, в связи с "действительностью" мандата на Палестину. В данном случае Комитет может, видимо, заручиться мнением лишь двух авторов в поддержку желаемого заключения. Одним является г-н Генри Каттан, бывший член Арабского высшего комитета в Палестине. Другой - известный нам профессор У.Т. Маллисон, который написал вступительную часть к работам Г. Каттана. Читатель может сам оценить научную и бесстрастную объективность такого маневрирования.

Примечания к добавлению

1. Любопытство в любопытстве. Это замечание, по-видимому, относится к имеющимся "подготовительным работам", не охваченным официальными отчетами Организации Объединенных Наций. Sed quare? Воистину поразительно, когда позже узнаешь о том, что авторы умышленно затрагивают историю проведения переговоров о мандате на Палестину, чтобы прийти к заключению, которое, по их мнению, отвечает интересам арабских притязаний (стр. 32-33).
2. См. Stone, No Peace-No War in the Middle East (1969), 33-35.
3. Единственное, для чего авторы реально пытаются использовать это якобы "основное юридическое различие", - это для предания гласности некоторой критики в адрес еврейского освободительного движения на раннем этапе или в адрес Израиля со стороны изолированных еврейских личностей и нескольких еврейских крайних религиозных сект. См. "Резолюции", стр. I0-I7 и др. Кроме всего прочего, можно сказать, что это положение ни в коем смысле не является "основным с точки зрения права" для круга вопросов, затронутых Маллисонами.
